

Recueil du concours de nouvelles de l'UFR de Langues étrangères

Thème : Incertitude

Édition 2021

Sommaire

Préface	1
Allemand	
Composition du jury	3
Prix de l'innovation narrative : Zelda und Herr Sanitas, Franka Wurps	5
Anglais	
Composition du jury	11
Prix Coup de cœur du jury : Limbo, Sara Eymard	13
Premier prix : Two Lungfuls of Stale Air, Dorian Sifaoui	23
Deuxième prix : And If I Never Know ..., Mia Borel	31
Troisième prix : Oh simple thing, where have you gone?, Mahé Caussanel	37
Espagnol	
Composition du jury	43
Premier prix : Imperfecto, Tiny De Martino	45
Deuxième prix : Amor de madre, Justine Jacquin	49
Troisième prix : Mañana será otro día, Nicolas Fernandez	55
Quatrième prix : Ojos Azules, Natalia Hincapie	59
Français	
Composition du jury	63
Premier prix : Caisse Numéro 4, Heiner Blon	65
Italien	
Composition du jury	69
Premier prix : Quanti passi mi restano?, Christina Tardivel	71
Russe	
Composition du jury	75
Premier prix : Я хочу пить, Hervé Aubert	77
Deuxième prix : Где я на своем месте, Valentin Albert	85
Troisième prix : Счастье - это лекарство, в котором мы все нуждаемся, Alix Legeay	91
Quatrième prix : «Загадай желание», Anna Yashivili	95

Préface

La session 2021 marque la quatrième année consécutive du concours de nouvelles en langues étrangères de l'UGA et a été placé sous le thème de l'« incertitude ». En effet l'année écoulée a eu son lot d'incertitudes et les étudiant.e.s qui ont participé au concours ont traduit ce thème dans leur langue pour mieux se l'approprier. Les jurys ont reçu de très belles nouvelles sur ce thème et ils remercient vivement la cinquantaine d'étudiant.e.s qui ont pris le temps d'écrire et d'envoyer leur nouvelle pour le concours.

Même si le concours ne peut pas récompenser toutes les nouvelles, les jurys aimeraient souligner cette année encore la qualité littéraire et linguistique des textes reçus et encourager les étudiant.e.s à continuer à écrire.

Le concours de nouvelles est un projet porté par l'UFR de Langues Étrangères et de nombreux acteurs clef le rendent possible tous les ans : Véronique Jude, Adeline Leroux, Géraldine Grégoire, Marie Embs, Christelle Jullien et Julie Darnand font un travail important pour que ce concours puisse avoir lieu. Nous aimerions tout spécialement remercier Adeline Leroux qui nous a accompagné depuis le début et qui quitte l'UFR cette année.

Merci aussi aux enseignants responsables de chaque langue, à tous les membres du jury qui ont pris le temps de lire et relire les nouvelles et merci bien sûr à tous les étudiant.e.s qui ont soumis une nouvelle !

Éléonore Cartellier

Allemand

Composition du jury

Dominique Dias, MCF en linguistique allemande

Myriam Geiser, MCF en littérature allemande

Natacha Rimasson-Fertin, MCF HDR en littérature allemande

Lara Sepcke, lectrice

Zelda und Herr Sanitas

Franka Wurps

Zelda stand an ihrem Lieblingsplatz. Auf dem Dach, von wo sie über die ganze Stadt blicken konnte. Die Sonne stand bereits tief und am Horizont zogen dunkle Wolken auf. Als sie sich an die Kante des flachen Hochhausdaches setzte, strich sie mit dem Zeigefinger über ihren Unterarm. Etwa eine Handbreit unter dem Handgelenk schimmerte ihr die weiße Narbe entgegen. Die Wunde war bereits längst verheilt, doch immer, wenn Zelda sie ansah, konnte sie schwören, den Schorf noch zu spüren. Bei jeder Berührung konnte sie noch den leichten Stich im Herzen nachempfinden, den sie fühlte, als sie damals das Messer ansetzte und schnitt. Ja manchmal sah sie sogar noch wie sich Blutströpfchen bildeten und aus der Schnittwunde traten. Wenn sie so empfand, wurde ihr ganz schlecht und sie musste den fixierten, leeren Blick von ihrer Narbe reißen.

Zelda blickte auf den Horizont hinaus und sah, wie die schwarzen Wolken langsam, aber sicher, näherkamen. Es war nicht das erste Mal, dass sie da oben saß. Noch vor wenigen Monaten war sie fast täglich dort. Es war täglich eine Entscheidung auf das Dach zu gehen – und auch wieder herunter. Oft hatte sie daran gedacht, ihr Leiden zu beenden. Einfach Schluss zu machen, sich von da oben fallen zu lassen und nicht mehr nachdenken zu müssen. Und doch tat sie es nie. Noch in ihren Gedanken versunken, hörte sie plötzlich eine tiefe und zugleich sehr sanfte, angenehme und vertraute Männerstimme neben sich.

- „Was machst du hier?“, fragte der in schwarz gekleidete Mann.
- „Ich sitze hier. Wer sind Sie?“ entgegnete sie verwirrt.
- „Das sehe ich. Du kannst mich Herr Sanitas nennen. Aber was machst du hier? Warum bist du hier oben?“
- „Von hier oben kann ich die ganze Stadt sehen. Ich finde es schön. Die Welt erscheint mir so klein und ruhig, es scheint fast so, als ob...“
- „Als ob sie stehen geblieben sei?“
- „Ja. Genau.“
- „Warum möchtest du denn, dass sich die Welt aufhört zu drehen?“

- „Es ist nicht so, dass ich es unbedingt möchte. Aber manchmal ist es eben schön, wenn man sich keine Gedanken machen muss. Hier oben bin ich allein und ungestört. Ich kann meine Sorgen vergessen und es ist so, als existierte ich nicht.“
- „*Aber du existierst. Hier oben und da unten, Zelda.*“
- „Woher kennen Sie meinen Namen? Ich weiß, dass ich existiere, Herr Sanitas. Aber genau das ist ja manchmal so anstrengend.“
- „*Du würdest also lieber nicht existieren. Verstehe. Und was bringt dir das? Nicht zu existieren?*“
- „Der Schmerz wäre dann weg. Es wäre leichter.“
- „*Welcher Schmerz?*“
- „Ich weiß es nicht. Er ist einfach da, wieder da. Immer und überall. Er ist zurück und wieso, das weiß ich nicht.“

Tränen stiegen Zelda in die Augen und liefen ihr schließlich heiß über die Wangen.

- „*Aber Zelda, es wäre nicht leichter. Für niemanden, denn du wärst tot.*“
- „Sie verstehen nicht, Herr Sanitas, ich fühle nichts. Ich empfinde nichts mehr. Ich bin leer, eine emotionslose Hülle aus Haut und Knochen.“
- „*Wie kannst du keine Emotionen haben, wenn du gerade weinst?*“
- „Ich weiß es nicht. Ich spüre nichts mehr und ich kann und will nicht mehr so weiter machen. Wie soll es nur weitergehen?“
- „*Erzähle mir, was dir auf dem Herzen liegt. Ich höre dir zu.*“
- „Ach! Ich weiß doch gar nicht, wo ich anfangen soll und was ich sagen soll!“
- „*Fang mit dem an, woran du gerade denkst.*“

Zelda weinte noch mehr. Sie wischte sich die Tränen aus dem Gesicht, stand auf und wanderte ziellos auf dem Dach herum. Herr Sanitas blieb währenddessen sitzen und beobachtete sie kühl. Schließlich hielt sie an, drehte sich zu ihm und rief ihm mit gebrochener Stimme entgegen.

- „Gut, dann fange ich an! Ich dachte ich hätte es geschafft! Ich dachte wirklich, dass ich die Depression besiegt hätte. Aber sie ist zurück und es tut so weh! Ich weiß nicht, warum! Und ich weiß nicht einmal, ob ich so weiterleben will! Ist es schön, so zu leben wie ich? Nein! Leide ich jeden Tag? Ja! Aber ich weiß nicht warum! Ich

weiß nicht, was ich ändern sollte oder könnte, okay?! Da ist dieser permanente, lähmende Schmerz! Und wenn ich eins wirklich weiß, Herr Sanitas, dann ist es, dass ich keine Lust habe nochmal so tief zu sein, wie beim letzten Mal.“

- *„Schmerzen kommen nicht von irgendwo her. Aber höre nicht auf, sprich weiter.“*

Die kalte, rasonable Art von Herrn Sanitas traf Zelda wie ein Schlag. Instinktiv beruhigte sie sich genug, um sich wieder neben den mysteriösen schwarzen Mann zu setzen.

- *„Ich weiß, dass es Menschen gibt, die ein schlimmeres Schicksal erleiden mussten und gerade müssen und auch noch müssen werden. Aber ich verstehe nicht, warum ich trotzdem leiden muss. Warum ich? Warum schon wieder? Womit habe ich das verdient? Habe ich das überhaupt verdient? Zählt das denn gar nicht?“*
- *„Doch Zelda. Das zählt auch. Aber glaubst du wirklich, dass es dein Schicksal ist, hier oben auf dem Dach zu enden? Beim letzten Mal hast du es auch nicht gemacht. Du bist noch jung. Du hast dein Leben vor dir. Es gibt keinen Grund, dieses frühzeitig zu beenden. Ein Leben sollte erst dann enden, wenn es gelebt wurde. Stimmst du mir zu?“*
- *„Ja. Das klingt schon alles vernünftig, was Sie sagen, Herr Sanitas. Aber was mache ich mit diesem Schmerz?“*
- *„Welcher Schmerz? Bist du verletzt? Tut dir etwas körperlich weh?“*
- *„Nein, bin ich nicht. Aber der Schmerz ist in mir. Er beherrscht mich. Ich kann nicht aufstehen, mich kaum anziehen. Er ist einfach zu groß ...“*
- *„Du sagst, dass der Schmerz von innen kommt. Das bedeutet gleichzeitig, dass du den Schmerz selbst produzierst. Und wenn du ihn verursachst, kannst du auch dafür sorgen, dass es aufhört, weh zu tun.“*

Zelda wusste nicht, was sie sagen sollte. Plötzlich fiel ihr die Narbe ein. Sie versteckte sie oft, da sie sich nicht erklären wollte. Und irgendwo war es ihr auch peinlich. Peinlich, sich selbst verletzt zu haben. Sie hatte Angst darüber, was andere Menschen von ihr hielten. Sie hielt sich nicht für verrückt oder lebensmüde. Sie wollte doch nur etwas spüren, als sie das Messer ansetzte und sah, wie die Klinge sich in die Haut eingrub. Zelda musste mehrmals mit dem Messer über ihren Unterarm streifen, bevor es die Haut durchbrach. Die Haut sieht so dünn aus am Unterarm, dass man sogar die feinen blauen Adern durchschimmern sieht.

Doch sie ist erstaunlich schwer zu durchschneiden dachte Zelda damals. Es dauerte eine kurze Weile und brauchte mehrere Versuche, bis sie das vermeintlich befriedigende Gefühl vernehmen konnte, Blut zu sehen. Wenn man sich schneidet, beim Kochen beispielsweise, spürt man einen brennenden Schmerz. Für sie war es also logisch, wie $1+1=2$, dass es auch weh täte, sich in den Unterarm zu schneiden. Doch als sie dann sah, wie wenig Blut aus dem Schnitt trat, fühlte sie keinen körperlichen Schmerz. Und dennoch fing sie an zu weinen. Zelda wurde plötzlich aus den Träumen gerissen und bemerkte, wie sie nervös ihre Narbe berührte. Sie zog den Ärmel ihres grauen Sweatshirts zum Handgelenk hinunter. Hier, in Gesellschaft von Herrn Sanitas, war ihr die Narbe noch unangenehmer als sonst.

- *„Du brauchst sie nicht zu verstecken. Ich weiß, was du getan hast. Und es war falsch. Zelda. Du schaffst das nicht allein. Du bist krank. Lass dir helfen.“*
- *„Was?“* „
- *„Zelda...“*
- *„Was meinen Sie mit krank? Mir ging es gut! Ich habe keine Depressionen mehr! Ich hatte sie besiegt...“*
- *„Du hattest sie nicht besiegt. Du hast sie nur verdrängt und lange genug kleingehalten. Aber sie war nie weg und jetzt kommt sie wieder hoch. Aber du kannst es schaffen. Das weiß ich, ich kenne dich.“*
- *„Wieso wissen Sie so viel über mich? Und wer sind Sie überhaupt?“*
- *„Ich bin Ratio Sanitas. Und ich bin so wie dein Schmerz, ich komme von dir. Lass dir helfen, Zelda. Das Gewitter kommt näher, wir müssen bald gehen.“*
- *„Von mir? Ich verstehe das nicht, Herr Sanitas. Helfen? Von wem? Mit wem und wie kann ich denn reden? Wo soll ich anfangen? Wem kann ich vertrauen? Ich bin nicht verrückt!“*
- *„Ich sagte nicht, dass du verrückt bist. Ich sagte, du bist krank.“*
- *„Herr Sanitas! Bitte, helfen Sie mir! Ich weiß nicht, was ich machen soll!“*
- *„Doch, das weißt du. Denk nach und lasse es zu. Es steckt in deinem Namen Zelda, du bist eine Kämpferin. Aber der Anfang muss von dir kommen.“*

Dann stand Ratio Sanitas auf und ließ Zelda zurück. Zelda bemerkte, dass sie nie das Gesicht des geheimen Mannes gesehen hatte, sprang auf und drehte sich herum, um ihn

noch einmal zu sehen. Doch dieser war verschwunden, wie vom Erdboden verschluckt. Wer war dieser kalte, gesichtslose, mysteriöse und zugleich klare, greifbare und unverkennbare Mann? Wie konnte Zelda so lange Zeit mit ihm verbracht haben, ihm alles erzählt haben, ohne ihn zu kennen? Ohne auch nur eine Kleinigkeit über ihn zu wissen außer seinen Namen? Sie sah zu den Wolken am Horizont, die nun schon fast über ihr schwebten und erst jetzt merkte sie, dass der Wind zugenommen hatte. Sie schaute über die Dachkante auf die Straße. Dann zurück zu der Stelle, wo sie und Herr Sanitas gesessen hatten. Da hörte sie leise, fast flüsternd, Herrn Sanitas in ihrem Kopf: *„Entscheide dich, bevor der Regen kommt!“*. Schneller gedacht als gesagt hallten ihre Worte *„Der Regen? Wieso der Regen?“* wider und er entgegnete ihr: *„Weil der Regen aus Tropfen besteht. Und Tropfen beleben, wie eine vertrocknete Blume. Also entscheide dich, ob du die Tropfen willst oder nicht – was machst du Zelda?“*. Sie schloss die Augen, legte den Kopf in den Nacken und atmete tief ein. Der Sommerwind zerzauste ihre Haare und trug den Duft des Gewitters in der Luft. Die ersten Tropfen fielen auf sie herunter und Zelda begrüßte sie mit weit ausgebreiteten Armen und einem Lächeln.

Anglais

Composition du jury

Pierre-Alexandre Beylier, MCF en civilisation américaine

Vincent Bucher, MCF en littérature américaine

Éléonore Cartellier, PRAG et docteure en littérature britannique

Nathaniel Davis, contractuel en études anglophones

Sibylle Doucet, contractuelle et doctorante en littérature britannique

André Dodeman, MCF en littérature canadienne

Marie-Pierre Jouannaud, PRAG et docteure en didactique de l'anglais

Alastair Lane, lecteur en études anglophones

Roisin Lee, lectrice en études anglophones

Elodie Raimbault, MCF en littérature britannique

Jessica Small, doctorante contractuelle en études anglophones

Jean-Yves Tizot, MCF en civilisation britannique

Limbo Sara Eymard

March 23rd

They gave me this journal.

I was strongly encouraged to write in it.

I'm not too good with keeping up routines, but it's supposed to help.

We'll see how this goes.

March 24th

I went through some emails today. Actually sent three, so I'm feeling pretty proud of myself for once. I'm also exhausted.

Jane told me she'd come by this weekend, she says she's bringing dates.

March 25th

Apparently, when a global catastrophe happens, I can't help but feel... relieved?

No. Validated? Maybe... I can't quite put a word to it.

When your life has felt like a continuous maelstrom of personal Armageddons for so long... it feels odd that, for once, you didn't fuck up.

For once, the sensation of impending doom is not "just in your head."

Am I a shitty person for thinking that? Geez, I'm the worst. Way to make this all about you.

March 26th

I'm such an idiot, I spent the whole day watching videos and interviews.

That, and a couple of episodes of a dumb show about tigers.

People are so weird.

I need to get some groceries.

March 27th

Pros:

I got:

1 stick of butter,

6 eggs,

3 cereal boxes,

1 box of powdered milk,

1 loaf of processed sliced white bread,

2 cans of spinach,

2 cans of vegetable mix,

5 cans of beans,

1 massive bag of oats, because all the flour was gone,

2 pots of peanut butter,

1 bag of salted peanuts,

and 3 bags of crisps, because I could.

I also got to see the Outside.

Cons:

a) This was a fucking nightmare. I can't wait for it to be over.

And b) I hate beans.

They make me gassy.

March 28th

So, Jane can't come over anymore, because of her dad, obviously. But she said she'd leave the packet on the doorstep, maybe we can chat a little at a distance. It will be nice to see someone.

Hey, good job me on the regular writing.

March 29th

I started to clean up the place a bit this morning.

Then I remembered she wouldn't even get to step inside.

Still, I finished hoovering the floor and put on some fresh sheets.

Fred's looking perky today, seemed to like its new pot.

I wasn't very hungry at dinner.

She came by late afternoon.

It was good to see her. She looked good.

Better than me, I felt. From what I could see of her.

I hope I wasn't too intense. She said she had to go early but said she'd call.

We didn't talk about her father.

She left me the dates. They come from this shop not too far from her place, they're my favourites.

She also left pamphlets. More pamphlets.

I kept the dates.

March 30th

I went through some more emails. I started the drafts of some replies.

Nothing new.

I might try to find out where I stashed my watercolour set.

Seems a good time as any to pick it up again.

March 31st

I forgot that I can't draw for shit.

It was fun though.

I guess I have all the time to learn now.

April 3rd

I stopped the water colouring thing because it was literally watching paint dry, and my paintbrushes are shit, and, to the utter surprise of absolutely no-one, I still, actually, cannot draw for shit.

I then proceeded to binge the rest of the tiger show, finished four full seasons of yet another detective show, started watching a documentary on the plague of capitalist hyper-consumerism, fell down a suggested videos rabbit hole and ended up all night in a frenzy of minimalist rapture.

The whole place is a mess.

For some reason, all my worldly possessions are in huge piles, all over the floor, and table, and chairs, mostly divided into arbitrary categories.

Looks like a burglar with a KonMari kink tried to rob me but didn't find anything worth any value.

This does not spark joy. This does not spark joy...

My head hurts.

April 7th

Despite the mess,
Everything feels so empty.
Empty and stuffy at the same time.
The silence is suffocating.

I've been having a hard time breathing lately.

I can't even keep up with a goddamned writing journal.

The dread is swelling up and choking me.

April 13th

I watered Fred and moved him to the other windowsill.
Poor bugger needs some sunlight. One of us should get our daily dose of vitamin D.
I ordered some supplements online. I have no idea when they'll get here.

April 16th

I made fettuccine and a fancy spinach sauce I found online today.
It took me at least two hours and I was barely hungry enough to eat it in the end.
Everything tasted repulsive, like watered-down limp salad.
Seemed like a waste.
It's probably because my sleep schedule is out of whack. Circadian rhythm and all that.

I'll do the dishes tomorrow.

April 19th

I did fuck all today except look for my left slipper because, yes, only ten square feet of tiny studio and of course I manage to lose one of the fluffy neon monstrosities.

Allie was the one who gifted it to me for Christmas. She thought it was bloody hilarious. She always liked to have a laugh.

I still haven't found it, because I am a loser.

April 24th

I feel so restless I cleaned the whole bathroom with an old toothbrush yesterday.

So uneasy it's like ants are crawling under my skin.

Now I'm anxious and absolutely exhausted. It makes for an odd combination.

Everything hurts and I can't focus.

April 27th

God, I can't believe this happened.

The world is so fucked up.

People are so stupid.

And hateful.

And dumb.

Everything is awful.

Everything is getting absurdly worse.

It's like shit on top of shit on top of a humongous pile of shit.

And we're just...stuck there.

Not even surprised because of course, *of course* this is happening now.

Not knowing what's going to happen next.

Not knowing anything.

Just being stuck in this void of defecations.

Can't do shit all.

I should probably stop watching the news, nothing good comes of it.

May 8th

Alex tried to call yesterday.

I lied and texted them back this evening.

They asked if I'd like to go outside on a short walk.

I said I was too tired.

I feel like a shitty friend.

May 12th

It's been raining for six days straight.

I'm typically one of those people who really like the sound of rain, but this is driving me crazy.

Heh.

Well, crazier anyway.

What am I doing, complaining about nothing, it's not like I'm going anywhere.

God, I can't sleep.

May 17th

What am I supposed to write in here anyway?

Just what happened today?

Nothing happened today.

Nothing.

Fuck all.

Nothing ever happens anymore.

May 19th

I feel grey.

So cold

So tired

Floating and numb

May 28th

I realized I haven't charged my phone for at least 3 days.

I also got out of bed today.

Hoorah, hooray.

May 29th

I'm starting to grapple with the fact that I'm probably actually losing my mind.

Last night, I'm pretty sure Fred moved.

He was on the right corner, by the bookcase. Now he's on the left.

Now I do believe somewhat in the power of names, but I'd never thought I would bring to life an inanimate object by the simple act of christening them after a dead fictional character.

Are plants inanimate objects? I guess not...

Are plants alive? Are they just very, very, very slow living things?

Wait, are plants *sentient*? Probably not.

Though I did hear this thing about trees communicating through their roots...

Life can be freaky sometimes.

June 3rd

I don't know how but I got an appointment on the phone.

It was draining, but it was good. It was like running an emotion marathon—sweat and tears abounding aplenty.

I was out like a light after, and I napped the whole afternoon away.

June 6th

Well.

There's a monster under the dresser.

I gave it peanuts.

It stole my socks.

June

I called Alex.

We talked the whole night through.

It was good.

It was very good.

We're not doing so well, everything is so uncertain...

But...

But.

I think we'll be okay.

Even if we're not okay right now, even if the whole world is not okay.

We'll get through again.

We'll be okay.

July

I woke up.

And it was just sitting there, ten centimetres away from my face. Staring.

I could feel its weight on my sternum as I drew deep, shallow breaths in and out.

My heart racing between the spaces of my ribs.

Then it crawled off.

August

Alex called again.

They talked about maybe getting a place so we can rent share.

Sounds nice. Sounds lovely.

August 17th

I made myself some tea this morning. It was so very early.

Outside,

every breath was sharp and slow

the window yawning out a question,

the street was full of mist,

suspended in a shifting haze of grey

and above the rooftops touched by a backlit glow

of a sun, slowly rising.

Two Lungfuls of Stale Air

Dorian Sifaoui

"Do you still love me, then?" Gabriel asked.

"I don't know," Mark answered.

Both men went to sleep after that: in the same bed, facing away from each other. They woke up at eight AM the following morning, got up like nothing had happened, ignoring their marriage crumbling to focus on the mind-numbing routine that crept over their lives like tenacious ivy.

A week passed.

Mark stood in the subway, hand raised to grab at one of the bars overhead—he looked to be about middle-aged and wore the attire of a white-collar worker slaving away at a dead-end job, just another cog in the machine. Muscles were barely visible under his crisp white shirt, eroded away by a thankless job taking up his every waking hour and the lack of physical activity. A nobody in a noisy crowd.

With his dark hair and eyes, he did not stand out one bit among the swarm of colorful personalities inhabiting the city; had he been standing next to his husband, a primary school teacher with blond locks framing a soft face and a softer personality, someone might have glanced at him.

One could read all the weariness of the world in the downward slope of his shoulders.

Maybe once upon a time he had been a bright young man, full of hopes and dreams for the future, but life had sanded all the optimism away from him bit by bit, leaving only the last slivers of it hidden in the proud clench of his jaw.

The door opened—that was his stop—and Mark stepped out. He had no desire to go back home, to the nondescript house he owned in the suburbs, but where to otherwise? Mechanically, putting one foot in front of the other, he walked.

It should have been expected, that him and Gabriel would not last. Meeting in high-school seldom made for long-lasting couples; getting married at eighteen made for even less. They had not listened to anyone back then: both boys had jumped into Mark's dingy car—his first—and driven to the nearest government office where they had eloped, wearing the same clothes they had graduated in. Gabriel's smile when they had stepped out of the building as husbands had bewitched Mark's soul.

That day, Mark had swapped his parents, siblings, aunts and uncles and cousins for a husband. Was that when the resentment had started? When he had watched Gabriel's parents welcome his spouse with open arms, gushing about the ring he had bought at a pawnshop, when all he had gotten were all his belongings dropped onto the curb without even a goodbye? It had been raining that day. The water had drenched everything: his little league baseball awards, the leather watch his father had gifted him for his sweet sixteen, the stick-figure doodle of their family he had drawn at three. It had been displayed on the refrigerator for 15 years.

Maybe. Maybe not.

Gabriel's family had tried to make up for it: they had welcomed him with open arms, apple pies warming in the oven each time he came over – Gabriel had told them they were his favorite. Despite their efforts, they had never gotten the taste right. Maybe the apples in his father's orchard had been a special kind.

All in all, when it had started did not matter. All that mattered was that, at some point, the arms lovingly cradling him close as he fell asleep had taken on the scratchiness of a noose around his throat.

Mark stopped at the corner of the street. He could see his house from there. He doubled back, going off towards the park instead.

The leaves were long gone and winter was nearing, but there were still several families there. Two young siblings he recognized—they often biked by his and Gabriel's house—played on the swings, the little sister whooping in joy as her elder brother pushed her higher and higher.

Their mother was sitting on a bench a few feet away; she looked about his age. The woman got up and started rebuffing her daughter for getting her new dress all dirty; now mommy is going to have to wash it again! She conveniently forgot that her son was just as covered in mud as his little sister was.

Could this be what Mark missed? The familiar hypocrisy, that endless dance of "I want you to be your own person as long as it's exactly the kind of person I want you to be" that had backgrounded his own childhood?

Still, he wanted a child. It was a primal ache. What of his place in the world, if his existing or not changed nothing? How easy it would have been, had he married a woman—but once again, Mark instigated his own downfall. Not that 18-year-old him would have cared; you cannot expect a child to wish for children of their own.

Now, as an adult, he had learned his lesson: splitting off from the norm... was exhausting.

So what if, in a few decades, no one remembered him? Not everyone was born to be exceptional. What an egoistical thought, to need to leave one's mark on the world, to leave a legacy behind—even one so intangible as children, thrown out in the world to be as unremarkable as their forefathers.

What would Gabe and he even do with a child? Both his and Gabriel's hours were too long to raise one, and he did not fancy foisting a newborn off on his in-laws. What was the point of having a kid if you did not raise them yourself?

As if to mock him and his senseless running away, it started to rain. Mark got up and found himself at his own doorstep. The door was unlocked; he walked in without a word to see Gabe hovering next to their entryway. Mark took his coat and scarf off as his husband approached.

Gabriel bent down for a kiss but changed his mind at the last second. Mark was relieved. When they kissed, the only thing he could taste anymore was the stale, store-brand toothpaste his husband insisted on always buying bulk whenever there was a deal, like his parents before him. Mark could not stand that taste anymore—not even when brushing his teeth.

Watching his husband's tense shoulders, he asked himself when seeing Gabriel being sad had become enough to call up annoyance. These days he knew nothing but the annoyance, as if his being had narrowed down to gritted teeth.

There was a delicious smell wafting through their home; it smelled like Mark's favorite, the all-American apple pie—boring, just like he was. Stepping further inside, he spied some cinnamon splattered on the kitchen counter. Gabriel must have been cleaning up when he arrived.

Something tickled the back of Mark's mind—right. He got it. Friday night was date night. Two fluffy plaids were laid out on the couch, and the DVD case of his favorite movie was open, the disk probably already placed in the DVD player.

For a fraction of a second, the tightness at the corner of his eyes softened. Why was he wishing for more? He was no better than his father, quibbling about every little thing while his spouse tried his best to make him happy. When had his dissatisfaction with life translated into treating his husband badly? Ignoring the emptiness in his chest now the anger had gone away, he went to the couch and bundled himself in the garishly orange plaid.

Gabriel approached with uncertain steps. His hair was getting long; he had not taken time to go to the hairdresser in a while. Those golden curls made him look divine; no wonder his students loved him so much.

Awkwardly, Mark raised his arm, opening up his cocoon, inviting Gabriel over. His spouse appeared dumbstruck for a second before diving into his arms. Thinking back, Mark could not remember when they had last hugged. Even before their fight, it had been ages.

Their peace was interrupted by the phone ringing off the wall. Mark flinched—he had enough of the sound, heard it abundantly at work already. Gabriel shushed him, rubbing an affectionate finger against his chin, and stood up.

That small gesture... it had started in middle school, Mark did not exactly remember when. Whenever he had felt sad, Gabriel had poked his chin, gently massaging it. After a few years, Mark now felt a short of peace course through him whenever Gabriel's nails had even grazed that spot.

And then Gabriel had done it at a work outing a few months back. The gesture had not been malicious in the least, but his co-workers' teasing afterwards had most certainly been.

"Hello? Oh, dad!" he heard Gabriel exclaim. Mark's husband held the phone between his shoulder and ear, taking the apple pie out of the oven before moving away.

Mark's stomach churned. Everything bubbled back up. Too antsy to stay sitting down, he got up, wandering over to the steaming-hot pastry without thinking about it.

He looked at it. The perfect symbol of his empty, everyday man life. The apples were golden and syrupy, the crust steaming hot. He was part of the distinguished category including only most of the United States.

Before he could think about it, his hand moved. He grabbed a slice. Mark took a bit of the apple pie and waited for the happy-warm-content feeling of eating his favorite dessert to pool in his chest. It did not.

Instead, what he felt was a growing confusion at the taste filling his mouth: was this what apple pie tasted like? Had it always tasted like that? It did not seem like what he remembered... The pastry in his mouth crumbled; it seemed to him like he had taken a big mouthful of the ash settling at the bottom of the chimney.

He did not like it. It did not taste good.

What was happening to him?

A week ago, Gabriel had asked Mark if he still loved him and he had not been able to answer-

The way Mark grilled was from his father; the way he apologized was from his mother; the way he signed his name was from the kid he sat next to in fourth grade; his taste in cars came from a dumb show he watched as a teenager; the work ethic he ascribed to was from one of his high-school history teachers; his hair color was from a bottle.

The way he loved was from Gabriel.

In that moment, Mark asked himself who he was. And the answer, like a falling guillotine, was merciless.

"I don't know."

And If I Never Know...

Mia Borel

The girl arrived at Whitehaven sometime after July turned into August and nobody took any notice of her. One day we were unaware of the mere fact of her existence, and the next she was an unquestionable part of our lives. She was there, a ghostly presence at the back of every room, silently haunting the family estate. She never spoke if she was not spoken to, and went about her daily affairs without requiring any input from any member of the household.

I knew very little of her, only that she was the niece of an acquaintance of the family, who had nowhere to go and no place in the world. My mother-in-law had pleaded for her, and I had accepted to take her in, because I saw no reason to refuse. I was now glad I had done so, for we saw so little of her that it was as if she were not there at all.

In truth, the arrangement suited all of us. It suited my wife most of all, I think, because she often made passing remarks about the girl's beauty, and the vulgarity of it. I did not pay her any mind, because I knew, after twenty years of matrimony, that she did not look kindly upon her own sex.

The first time I became aware that she was indeed a tangible person, rather than a figment of our collective imagination, occurred when I overheard two stable boys mentioning how serviceable she had been when it came to taking care of the horses.

It was because of that conversation—though I was not supposed to have heard it, I found comfort in the idea that any word spoken on my lands had a right to be heard by me—that I decided to seek her out. I had never had the occasion to exchange more than a few polite pleasantries with her, and the extent of what I knew about her, about her character, and what set her apart, could be summed up to what my wife said of her; that she cared only for herself and did not worry to find a husband or an occupation.

I suppose a better man than me would have blindly believed his wife, and praised her for agreeing to welcome such a burden into a family who already had to care for an elderly

woman. But the truth was that I found myself drawn to the mysterious girl. I wanted to learn more about her, though I was not quite sure why. Surely it must have been because she had been living in my home for some weeks now, and I had yet to learn her name.

But it was when I searched for her that I could not find her. I looked for her in the armchairs that hid in the darkest corners, behind the curtains which obscured the windows at night, and among my own staff. I did not find her. Still, a wild folly was blooming in my chest, and with every day that passed during which I did not see her, I grew more restless, more irritable.

I placated myself with work, often drifting off to sleep at my desk rather than in bed, and I rode my horse every time the elements allowed it. I rode for miles and miles, only finding solace in the burn of my weary muscles. I rode to the edge of the woods in the east, and to the cliffs overlooking the sea in the west. It was not enough to distract me from the impenetrable mystery of the girl.

I did not dare ask my wife, because if she came to know the reason for my recent agitation, I knew the sort of horrid conclusions she would come to. I could not ask any of the staff, either, for fear that it would turn to gossip and round the whole house in a matter of days, and so I was forced to rely on no one but myself.

On the sixth day of my inquiries, I rode to the cliffs again. I felt that the sound of the waves crashing on the shore thirty feet under me was the closest thing I could find to peace, and I longed for my brain to be at rest, if only for a little while.

I am not sure if fate decided that I had suffered enough, or if the girl had some powers yet unheard of, but when I reached the cliffs, her lithe figure, all dressed in white, welcomed me. She turned to me as I dismounted from my horse, her dress billowing around her, and an impenetrable smile stretched her lips. They were pink, as if she had been biting them moments earlier. Her face was soft and kind, I remarked, as I allowed myself to observe her for the first time since she had come into my life. She bowed her head, and her long hair obscured her features for an instant, the long black strands blowing in the wind.

‘Sir Richard,’ said she; ‘please pardon my appearance. I did not think I would come across anyone.’

I wanted to tell her that it did not matter, but my voice would not obey me. I was struck by her beauty, and though I tried to remain sensible, and remind myself of who she was, my throat and mouth were dry, and my heart had started to painfully pulse beneath my ribs.

I felt suddenly that the air around us was charged with the tension of a thousand impending thunderstorms, and that if I could make myself reach out and brush my finger against the skin of her neck, it would explode all around us, until we were the last two creatures on Earth.

‘What are you doing so far from Whitehaven?’ was all that my weak voice managed to croak out.

Her smile turned mischievous, and she took three steps in my direction. She was close, now, too close. Closer than what was recommended, closer than what was allowed. Her body was inches away from mine, and I could feel the warmth emanating from her.

Time seemed to freeze and stretch into eternity as I saw her right hand start to rise from where she kept it at her side. Impossibly slowly, as if the action was never going to come to completion, her fingers rose towards my face.

I thought for a fleeting moment that she might touch me, lay her thin fingers on my face, and I wondered whether it might kill me right there and then. My interrogations were nipped in the bud when her hand suddenly dropped back down. I heard her take a sharp breath, and she looked up. Our eyes met for the briefest of moments. A blade of lightning tore through the sky.

As thunder shook the air, deafening, she took another step forwards—but instead of getting closer to me, as some mad part of me had been wishing she would do, she walked straight past me without another word. I could not bring myself to turn back and watch her go. Something inside of me kept me rooted to where I stood, unable to move a muscle. In a

second, she was gone, and it was not until I felt drops of water roll down my face that I understood she was not coming back.

I rode back to Whitehaven without ever realising I had moved, and no one was there to greet me when I passed the gate, the rain having chased away anyone who might have been outside. I wondered if the girl was here. Had she gone to the kitchens, to find some warmth among the ovens, or had she dared go upstairs, where she would have had to come face to face with my wife?

I was not sure whether I wanted to see her again, so soon after our previous encounter, which had left my skin burnt from all the touches that never were. And yet, the ache in me was not satisfied.

I brought my horse to the stables and made my way back to the house with a heavy heart, and an equally heavy head. Beads of rainwater rolled down my face, dripped from my hair, and were absorbed by the fabric of my clothes, which now hung, limp and heavy, from my tired body.

I found my wife reading by the fire, but the worry in her eyes when she discovered my dismal state barely lit any spark of fondness in my heart. I think she must have noticed that my thoughts were elsewhere, because she helped me out of my coat without a word, before cupping my cheek in her hand. Her eyes searched my face, a thousand unspoken questions threatening to spill from her lips.

I did not know how to answer any of them, so I closed my eyes and leaned into her touch, trying as best I could not to imagine that it was someone else touching me—a girl in a white dress, her mouth stretched in a mysterious smile, and her fingers on my skin. At last.

I had to spend the following days in bed, for I had a terrible fever, and my whole body was aching. My wife blamed it on my escapade in the rain, but I knew that she was wrong, although I did not know how.

On the fourth day—I think it was the fourth day— my head was burning so fervently that my vision was blurred, and my thoughts hazy. I felt delirious, which might be why I did not immediately notice the peculiar stiffness that spread through my body, but soon I found I could not move anymore. I tried to open my mouth so that I could call for help, but my jaw was locked shut.

When the door to my chambers opened, I thought help was coming. In walked the girl. The girl! She stood at the foot of my bed, her perfect lips still smiling as if she knew something no one else knew. She only looked at me, and I looked at her. I did not have a choice, for my eyes could not move.

My body was so rigid now that it hurt, and my feverish mind could not understand what was happening to me. I did not know why she was there, and why she was not helping me. I soon realised I could not breathe anymore, as the inflexibility of my muscles was preventing any air from entering my lungs.

After a small eternity, her mouth opened, and her voice, soft and sweet, floated to my ears:

‘You never asked me what my name was.’

Oh simple thing, where have you gone?

Mahé Caussanel

She was scared. Scared and confused. Where was she? What had she been doing? There were so many noises in her head, drowning everything out and making her dizzy. Her thoughts were a mess. She could not come up with any coherent sentences. She tried to scream, to speak, anything! But it was like her brain had been disconnected.

Suddenly, a voice broke through the heavy haze her mind was in.

“-ove.”

She knew that voice. She was sure she knew that voice. But where had she heard it?

“Zhu Li!”

Zhu Li’s eyes opened abruptly. Her breath was shallow. She blinked a couple of times to try and shake off the remaining uneasiness that came with the memory. A hand on her thigh made her jump. She turned to look at her wife, who had her eyes on the road but a clear look of worry on her face. She was gripping the steering-wheel so hard her knuckles had almost turned white.

“Are you okay?” Zhu Li’s wife said, risking a quick glance in her direction.

Zhu Li tried to answer but her throat was too dry. She coughed before answering a weak:

“Yeah”

Zhu Li’s wife kept her gaze firmly on the road. She bit on her lower lip, seemingly without realising.

“Were you having another... attack?” She then asked tentatively, as if the words were foreign to her.

Zhu Li stared resolutely ahead of her. Glimpses of memory came back to her. She tried her hardest to repress them.

“No. I was just lost in my thoughts, don’t worry.” She said this in a soft voice, trying to soothe her lover’s obvious concern. It clearly did not work, since said lover kept shooting glances in Zhu Li’s direction. Her lips were set in a firm line. Without even knowing why, irritation bubbled in her and before she could think of stopping herself, she snapped:

“Kanoka I’m fine, I swear! I just got confused for a bit about where we were and what we were doing. It’s no big deal.”

Kanoka’s eyes were red-rimmed and her lower lip wobbled a bit. Zhu Li turned her gaze away. She could not stand seeing her wife cry, especially not when it was her fault. She heard her inhale deeply, and then Kanoka spoke in the smallest voice:

“No. It’s worse than that. Being diagnosed with a degenerative illness is a big deal.”

Zhu Li did not answer. She suddenly felt exhausted, more so than the past few days.

“You were so out of it, love. It was scary.”

Guilt pooled in her belly. She took her wife’s hand and ran her thumb up and down in a comforting manner. She leaned towards Kanoka to wipe off a tear that had run down her wife’s cheek.

“I’m sorry”

Kanoka squeezed Zhu Li’s hand. She then disentangled their linked hands in order to rub her face without causing an accident.

“Don’t be. It’s not like it’s your fault. I just... I was really scared.”

“I know. But don’t worry. I’m sure it won’t get that bad again. I promise I’ll listen to my doctor and take my meds. It was surely due to stress anyway. Kind of like a mental breakdown but with memory loss on the side,” she joked, in an attempt to lighten up the mood.

Kanoka glared at her and answered in a dry tone:

“It’s too soon to be joking about that, love. But I hope you are right.”

Still, she did not resist when Zhu Li took her hand again. Zhu Li tightened her grip on her wife’s hand, only proof of the fear brewing inside her mind. Kanoka squeezed back just as hard, a silent: *we’ll get through this*.

...

28/09/2020: So. Hi. It’s Zhu Li, I guess. My doctor advised to me to keep a diary since I’ve been forgetting little details and information since my diagnosis three weeks ago. Kanoka also thinks it’s a good idea but that might be her worry speaking. I can’t really blame her, though. Anyway, I don’t really know if this diary will become useful but I guess it can’t hurt to try.

15/10/2020: Post-attack routine:

- Breathing exercises to calm down from the anxiety I often feel*
- Trying to identify familiar elements in my surroundings*
- Asking myself these quick questions: where are you? Why are you here?*
- Going through this diary if I can't answer the questions above*
- Finding a quiet place / cuddling with Kanoka to recover*

01/11/2020: Today was my dad's birthday. I forgot. I forgot there was an entire birthday party for him (he turned 60), which my mom and I have spent months working on. I was so excited to see my dad's face as we surprise him. But instead I was taken off guard when Kanoka asked me if I was ready to go this morning. I don't know how to feel about that. Am I a bad daughter? I know he won't be angry or anything but I also know he was hurt. My dad and I have always been close.

07/01/2021: I keep forgetting where I put my belongings. My doctor advised me to always put them in the same place. I decided to also write down where I planned to place them in my diary, it'll be more convenient.

Reading glasses and sunglasses: top corner left of my desk

Phone charger and headphones: first drawer of my desk

Keys (both to the house and the car): in the bowl on the shelf next to the front door

Book I'm reading: on my nightstand / on the coffee table in the living room

23/02/2021: Two weeks ago was the Lunar New Year. We went up to my parents. For the occasion, Kanoka's family visited from Japan. It was really nice seeing everyone again. Though I can't help but think about how I can't really remember the Lunar New Years of my childhood. I know we went to China several times but all I can remember is a whirlwind of colours, many different smells blending together and the gentle voice of my grand-mother. I can't recall what her jiaozi tasted like and even less what she looked like. Each time I force myself to remember something, my head hurts so much I need to lie down. Kanoka told me to stop.

...

Kanoka immediately knew something was wrong when she stepped into her apartment. She could not hear any sound. The eerie silence enveloped her as she took her coat and shoes off

and slipped on her house slippers, a gift from her mom in Japan. Kanoka was getting worried. Zhu Li should have been home and yet it felt like the house was completely empty. Kanoka called into the house tentatively:

“Zhu Li? Are you there?”

No response. She walked towards the living room. What she saw upon entering the room made her heart stop. Zhu Li was on the floor in front of the couch. She was curled up on herself, barely moving. Kanoka thought, for a millisecond, that she was dead, before noticing her shoulders going up and down regularly. She heaved a sigh of relief: at least she did not seem to have trouble breathing.

Kanoka went to sit down next to her wife. It was clear she was recovering from an attack and she would need Kanoka’s presence at her side. Kanoka gently coaxed Zhu Li’s hand away from her face.

“Are you alright, love?” she asked in the softest voice she could manage.

Zhu Li reacted to the sound. She raised her head slowly, obviously trying to understand where she was, turning her gaze right and left. The look she gave Kanoka when she noticed her would forever be imprinted in Kanoka’s mind.

It was completely lifeless. Kanoka stumbled back a bit, shock etched on her face. The person looking at her was not Zhu Li. Zhu Li always had a special expression, reserved only for Kanoka. Zhu Li looked at her wife with the same adoration than when they first fell in love, eyes so fond Kanoka could cry. Zhu Li reminded her in every gesture, in every gentle squeeze of hand and in every exchanged smile how much she was loved.

At that moment, Zhu Li was looking at her as if she did not recognize her. She seemed lost and confused. Her brows were furrowed and she glanced at Kanoka’s hands on her forearms, trying to understand what to do with the contact. Kanoka felt a lump in her throat. Her chest tightened. She was scared to admit what she already knew.

“Zhu Li?” she whispered, physically unable to speak any louder.

Zhu Li stared at her without answering. Then she moved to the side, away from Kanoka. She tried to speak but no words came out of her mouth. She cleared her throat. Kanoka wanted to shake her, to urge her to talk and reassure her wife that everything was alright, she

just had a small attack, got confused for a minute but she was fine and they could go cuddle in their room now, an unnecessary pile of blankets over their intertwined bodies.

“Who are you?”

The question, asked in a raspy voice, broke through Kanoka’s thoughts and rooted her in place. She could not respond. She stared at her wife without actually seeing her, her last words echoing in her mind in a maddening loop. These words would never leave Kanoka.

Kanoka watched in a daze, as her wife hoisted herself up – clearly not expecting any form of response from her – and looked around the room. Her eyes caught the mirror, placed on the wall behind the couch. They had spent an entire day painting it, adding decorations and little drawings. They also had written their name side by side: 朱莉, the Chinese characters for Zhu Li, and 叶歌, the Japanese characters for Kanoka.

Zhu Li approached the mirror without taking her eyes off it. She seemed in a trance, as if the mirror held all the answers to her every question. When she finally saw her reflection, Zhu Li stood there, still as a statue, face to face with herself. She stared and stared, for what could be minutes or hours. Kanoka dared not to move, barely breathing. She felt like she was in a dream. In a nightmare, rather.

Eventually, Zhu Li turned to face Kanoka again. They looked at each other. Kanoka’s heart thumped hard against her ribcage. Something was in the air, as Zhu Li prepared herself to talk, something that would change everything. Whatever Zhu Li was about to say, it would undoubtedly seal their future. Kanoka braced herself.

“Who am I?”

And fell apart.

Espagnol

Composition du jury

Cristina Breuil, MC Littérature Amérique latine

Alice Carette, MC Etudes hispaniques médiévales

Sara Castillo Xargay, Lectrice de catalan

Laurence Garino-Abel, MC Littérature Espagne contemporaine

Sonia Kerfa, PR Cinéma, arts visuels - Questions de genre

Olivia Pierrugues, ATER Photographie - Flamenco

Imperfecto

Tiny De Martino

Abrió los ojos y se quedó perplejo. Dos puertas, dos carteles, dos mundos completamente opuestos. En el primero “Paraíso” y en el segundo “Infierno”. Nunca se había imaginado que la vida después de la muerte hubiera podido existir y menos aún que se le dejaría la opción de elegir. Supuso que era una buena noticia, que al menos, la gente que no había sido feliz durante su estancia en la tierra lo estaría en el cielo y que era una bonita forma de jubilarse. Esta vez, no se lo pensaría dos veces, ya no estaba en la tierra, su elección no implicaba otra consecutiva: esta era la última.

Dio un paso hacia la puerta del paraíso. Miró a su alrededor. ¿Nadie para impedirselo? ¿Y si no había sido una persona digna de acceder al paraíso? ¿Y si se había comportado de forma horrible allí abajo? ¿De verdad que los actos pasados no importaban, no tenían ninguna repercusión? Le pareció injusto. Las personas que se habían sacrificado toda su vida, que habían tenido una conducta irreprochable para poder, un día, tener el derecho a cruzar las puertas del paraíso de la mano de Dios, ¿lo habían hecho para nada?

Dio un paso hacia atrás. Él no había sido un buen hombre, eso lo sabía. Había engañado a su mujer varias veces, se había aprovechado de sus empleados sin ningún escrúpulo, había mentido, robado, se había reído de las injusticias de los demás y seguramente había juzgado a más personas en su vida que tenía de pelos en la cabeza. Él no se merecía el acceso al paraíso porque, para ello, se tenía que haber sido muy buena persona ¿verdad? Y, aunque no tenía una definición exacta de lo que ello significaba realmente, sabía que él no formaba parte de esa categoría de personas.

Pero entonces, ¿por qué le dejaban acercarse sin decir nada, sin ningún “¡ejem!”, sin ninguna mano en el hombro para llamarle la atención, para recordarle cómo se había comportado durante su vida, lo que había hecho o no? Estaba claro, le estaban tomando el pelo, Dios se estaba riendo de él y contemplaba divertido su incompreensión.

Enfurecido, se dirigió hacia la puerta del Infierno.

-¡Voy a entrar! -gritó a tan solo unos centímetros de la puerta.

Colocó su mano en la manija. Suspiró y, dando un giro a noventa grados, se alejó. ¿Tan mal se había comportado para merecerse el infierno, el lugar más temido por los hombres, en el que solo habitaban el mal, la desesperación más absoluta y sus más grandes miedos? Imposible.

Se acordaba perfectamente de la sonrisa que esbozaba su hijo cada vez que lo veía cruzar la puerta de la habitación del hospital en el que lo había visto crecer, se acordaba perfectamente de la donación que había hecho a ese mismo hospital y sabía perfectamente que aquello sí que no lo había hecho por interés. Era pura bondad. Un acto que solo un buen hombre (y adinerado, claro) habría sido capaz de hacer. Además, si había engañado a su mujer era porque ella no le prestaba suficiente atención, no porque él hubiera sido un mal marido. Ella se lo había buscado y, además, seguro que ella tampoco había sido una santa, siempre con sus amigas de fiesta... no tenía tantas amigas para poder salir tantas veces a la semana...

Se volvió a fijar en las dos puertas. Se dio cuenta de que había sido un egoísta al recordar que ni siquiera se le había pasado por la cabeza interrogarse sobre qué puerta había podido elegir su hijo, o su madre ¿tras qué puerta estaban, esperando su llegada? Su hijo, el paraíso, seguro. Con catorce años uno no puede no ir al paraíso, un niño se merece el mundo más perfecto, repleto de cosas increíbles, de felicidad constante, de unicornios, y todo eso que la gente se imagina que puede haber en el cielo. Su madre, el infierno, vieja bruja que era. Y si estaba en el paraíso era porque se había colado.

Esbozó una sonrisa mientras una lágrima rodaba por su mejilla. De tanto centrarse en las puertas, no se había percatado de que, si estaba allí, era por una razón obvia: había muerto. Había dejado atrás los placeres de la vida, la rutina, a sus amigos, a su familia, los malos días, las vacaciones, las risas y los llantos, sus sueños que aún seguían en la lista de las cosas por hacer... Dejaba atrás todo un mundo. Ahora estaba solo, frente a dos puertas, debatiendo sobre qué lugar era el que merecía realmente o simplemente cuál aceptaría su presencia.

A su alrededor no había nada, ninguna otra puerta, ¿un ascensor para volver a bajar? No, obvio que no iban a poner uno sino todo el mundo (o una gran mayoría) volvería a bajar. Pensó en que era un final muy triste, que habrían podido poner un café, más gente, o

simplemente un poco de música, aburrida aunque fuera, como la que ponen en las salas de espera para llenar el vacío. Pero es que así, sí que le entraban a uno ganas de morirse. Supuso que era porque era el lugar donde la gente solo debía concentrarse en qué puerta elegir y que, además, no tenían que entretenerse allí más tiempo del necesario: era elegir y punto.

Tuvo una idea que le pareció ingeniosa. Se acercó a cada una de las puertas para intentar captar algún que otro sonido. Rápidamente, se dio cuenta de que era una pésima idea, no se oía absolutamente nada.

-Normal -pensó-. Si se pudiese oír lo que ocurre detrás de cada puerta, entre gritos de tortura o música caribeña, todo el mundo tendría muy claro qué puerta elegir.

Decidió sentarse frente a las dos puertas y hacer el balance entre los pros y los contras de cada lugar, y también hacer una lista de las acciones y decisiones más importantes que había tomado en su vida, añadiendo su carácter, sus opiniones, y todo lo que hacía de él el hombre que hoy era (o había sido, según se considerase que seguía siendo un hombre aún muerto o si pasaba a ser un ángel, claro). Conclusión: seguía tan indeciso como al principio.

Pasaron las horas, hasta que decidió tomar una decisión. De nada le había servido pasarse miles de minutos sentado en el suelo reflexionando sobre el hombre que había sido, era hora de elegir. Iba a dejar al azar decidir por él, como tantas veces lo había hecho en la vida real, cuando no sabía qué elegir o cuando nadie se sacrificaba en tomar una decisión por él. Tendió su brazo hacia las dos puertas, cerró los ojos, y se puso a girar sobre sí mismo. Más de cien vueltas y un millón de dudas después, se detuvo. Abrió los ojos, atemorizado.

“Infierno”. Anonadado, se acercó hacia la puerta que le había tocado. ¿De verdad se había pasado horas pensando y justificándose para terminar yendo al infierno? ¿Para eso había desperdiciado horas de paraíso, horas en las que habría podido estar tumbado en la playa con una piña colada? ¿Para acabar achicharrado en las llamas junto a Satanás? Aparentemente, sí.

Furioso, se dirigió hacia la puerta del paraíso y agarró con fuerza la manija.

-¡Este ha sido mi castigo, Dios! -gritó a pleno pulmón hacia el vacío inmenso, infinito.

Abrió la puerta y entró.

Atónito, desilusionado, confundido, la puerta no llevaba al paraíso, no. La verdad es que no llevaba a ningún sitio. Y con ningún sitio se refería a que, en vez de haber aparecido en un lugar distinto, se volvía a encontrar en el mismo lugar que antes. Enfrente suyo, dos puertas, dos carteles, dos mundos completamente opuestos. En el primero “Paraíso” y en el segundo “Infierno”.

Esa era la verdad, el hombre no era ni bueno ni malo, no podía ni elegir el paraíso ni tampoco el infierno, estaba condenado a quedarse en el medio, en el lugar donde tanto el bien como el mal habitaban, un lugar correspondiente a la tierra pero en el cielo. El lugar habitado por un organismo capaz de representar tanto el bien como el mal, con defectos y virtudes. Aquel era el lugar que se merecía. Lugar donde se acepta al hombre tal y como es: un ser imperfecto.

Amor de madre

Justine Jacquin

Margarita estaba vaciando el lavaplatos mientras miraba con cariño a su hijo sentado frente al televisor. Cuando él se reía al ver a los personajes graciosos de los dibujos animados, el rostro de su madre se iluminaba y sus ojos verdes brillaban. Ella tenía el pelo peinado con un lazo dorado y sus rizos castaños caían sobre su espalda al igual que las olas del mar sobre la arena. Su jean estaba sucio con manchas de salsa de tomate que había derramado durante el almuerzo. Estaba feliz. Era su día de descanso y no tenía que afrontar a sus colegas en la comisaría de policía que, por lo general, hablaban de los resultados del partido de fútbol. Por eso, disfrutaba tanto los días de descanso. Se acercó lentamente a su hijo y le preguntó suavemente:

—Mi amor, ¿recuerdas por qué mañana es un día importante?

—Si mamá, ¡es el día del padre! —contestó con alegría.

David nunca conoció a su padre porque éste abandonó a Margarita al enterarse de que estaba embarazada. El parto fue muy complicado porque estaba completamente sola, ni sus padres sabían que estaba embarazada en aquella época. Pero Margarita salió adelante porque sabía que su hijo era el mejor regalo que Dios le pudiera ofrecer. Y por eso siempre temía que le pasara algo. Era sobreprotectora con él y perdía los nervios con facilidad cuando sus amigos o familiares se lo reprochaban. De hecho, siempre estaba a la defensiva con la gente.

En el colegio, fue la mejor de su clase y sus compañeras le hicieron la vida imposible por esta razón. Cuando tenía quince años, mientras ayudaba a su vecino a mudarse durante un lindo día de primavera, que se transformó en el peor día de su vida, fue violada por él. Con su padre, presentó una denuncia, pero no lograron nada y este acontecimiento desencadenó en ella un deseo profundo de justicia. Por lo tanto, a los dieciocho años, ingresó en la Escuela Nacional de Operaciones Policiales en Tolima, su región natal.

—Vamos a comprar un regalo en el centro comercial para tu papá —le dijo con una mirada cómplice.

—¡Gracias, mamá! Así, ¿crees que papá regresará?

—No sé, corazón. Vamos.

Salieron de su apartamento situado en la carrera 59 del barrio Pablo VI y montaron en un autobús. Mientras David miraba pasivamente desfilan los edificios del paisaje bogotano, Margarita contemplaba a su hijo con ternura. Después de varias paradas, se bajaron del autobús en la carrera 11 y Margarita le tomó de la mano. Eran las cuatro y media cuando entraron en el Centro Comercial Andino. Un cartel anunciaba: *Día del padre. 18 de junio de 2017.*

—¡Mierda, está llenísimo! —gruñó Margarita.

—Mamá, no digas palabrotas —la regañó David con actitud severa y el dedo índice levantado.

—Tienes razón, Pollito —respondió soltando una pequeña risa incontrolada.

El Centro Comercial Andino era un edificio inmenso. Las decoraciones, las plantas, las flores, las guirnaldas y las luces lo hacían algo mágico. Margarita observó la reacción de su hijo que estaba tan impresionado y maravillado por el lugar como ella la primera vez que lo visitó. Esto la hizo sonreír. Se dirigieron hacia el tercer piso donde entraron en la tienda *Lego*. David le soltó la mano a su madre y corrió para mostrarle una construcción muy elaborada.

—Quiero construir esto para mi papá —dijo con excitación.

Margarita se quedó boquiabierta, apenas tuvo tiempo de contestar cuando resonó un estruendo que la hizo sobresaltar. David aterrorizado abrió los ojos como platos y se paralizó. El ruido se pareció a un estallido, pensó Margarita. Debía actuar. Vio a una madre con su niño en un coche. Se acercó precipitadamente a ella y le preguntó si podía cuidar a su hijo.

—¿Qué hace usted? —preguntó la señora, asustada, cuando Margarita se alejó.

—Soy policía, tengo que averiguar qué está pasando.

Así, dejó a David con la señora y su niño en la tienda *Lego*.

Corrió a toda prisa cruzándose con la masa que se escapaba en pánico hacia las salidas. Vio a un agente de seguridad entrando en el elevador con una anciana agarrada a su brazo, se acercó a él y le mostró su insignia preguntando de dónde venía la explosión. Al parecer, un artefacto había sido detonado en el baño de mujeres. Volvió a correr hasta el

baño y, cuando llegó, un hombre estaba llamando a su madre, gritando. Se acercó más y vio a una mujer en el suelo. Se agachó para tomar sus signos vitales, le cogió la mano y encontró pulsaciones muy débiles, pero al llamarla no reaccionó. Desde ahí, veía el baño de mujeres completamente destruido, todos los espejos estaban rotos y el polvo flotaba en el aire como la neblina en las montañas. Un enfermero de ambulancia llegó a socorrer a las víctimas y le explicó que debía llevar a la mujer a la Clínica Country. Le agradeció por su ayuda y se la llevó. Margarita se levantó, frotando sus manos sobre su jean para limpiarlas.

Cuando volvió a la tienda *Lego*, no encontró a David ni a la madre con su hijo. Los latidos de su corazón empezaron a intensificarse y sintió un fuerte dolor en el pecho. Despavorida salió corriendo de la tienda, mirando en cada local, por todos los pisos. Mientras salía del centro comercial al borde de las lágrimas, vio al conductor de ambulancia dirigiéndose hacia su vehículo y dos enfermeras aparecieron con una camilla. Margarita se acercó y reconoció a su hijo extendido inconsciente. Se precipitó hacia él y explicó a las enfermeras que era su hijo, pero no se había dado cuenta de que gritaba con mucha violencia. Un enfermero la apartó y se fueron sin que ella pudiera hacer nada. Desesperada, se dejó caer de rodillas en el suelo. Mientras una lágrima caía sobre su mejilla, Margarita se levantó con los puños apretados y se dirigió hacia una estación de autobús para ir a la Clínica Country.

—Buenas tardes, ¿me podría decir usted dónde se encuentra mi hijo? —preguntó Margarita ansiosa a una de las secretarias de la clínica. Pero esta no contestó.

—¡Soy policía! —se exaltó. La secretaria dio un salto y se mantuvo tan firme como un trono.

—¿Cómo se llama su hijo, señora?

—David Rodríguez, tiene solo cuatro años —respondió con los ojos brillantes de lágrimas. La secretaria miró en el computador y dijo:

—No lo encuentro. Su hijo no ha ingresado aquí, señora.

Margarita sintió como sus mejillas se encendían de cólera y gritó que sabía que estaba ahí. De repente, sacó su pistola y le apuntó a la mujer.

—¡Lléveme a su cuarto, ahora mismo!

La otra secretaria se puso en cuclillas y postró sus brazos en forma de equis sobre la cabeza para protegerse. Las personas que habían observado la escena, entraron en pánico y se empujaron las unas a las otras para salir de la clínica.

—¡Vamos! —rugió frunciendo el ceño.

La secretaria avanzó temblando hacia el corredor principal. Margarita se movía mecánicamente, con la pistola apuntada a la espalda de la mujer. En un momento, a través de la ventana de una habitación, vio a su hijo.

—¡Lárguese! —le gritó a la secretaria.

Suspiró y entró lentamente en la habitación. Observó la mano temblorosa que agarraba la pistola. La enfundó y se acercó a su hijo. Respiraba con tranquilidad, estaba vivo pero muy pálido. Mientras extendía la mano hacia él para acariciarle la frente, dos agentes de policía entraron en la habitación. Se dio la vuelta hacia ellos y apuntó el arma en su dirección.

—¡No toquen a mi niño! —gritó.

Detrás de los agentes vio a una mujer llorando que, mientras miraba al niño aterrorizado, dijo suplicante:

—Por favor, señora, no le haga daño a mi hijo.

Margarita desconcertada se volvió hacia la cama y descubrió asombrada a un niño desconocido. Su respiración se cortó e inconscientemente dejó caer la pistola. Los agentes la detuvieron y la llevaron a la comisaría El Campín.

—Margarita, ¿estás loca? —le preguntó su jefe con aire agitado.

Pero ella no contestaba, no podía hablar porque un mar de sentimientos desagradables le impedía hacerlo. Con la cabeza gacha, miraba sus pies y escuchaba a su jefe como si estuviera en un mundo paralelo. Levantó la cabeza sorprendida cuando su jefe le dijo:

—¡Vete! Y acepta que tu niño está muerto.

Cuando llegó a casa, se extendió en el sofá y cerró los ojos. Un centenar de imágenes desfilaban por su mente y pensaba en los acontecimientos terribles del día. Estaba agotada. Escuchó atentamente el silencio que la rodeaba. Sus músculos estaban tensos y sus ojos

le ardían. De pronto, pensando tristemente en su hijo, se dirigió hacia su habitación y cogió el tute dejado sobre la cama, lo abrazó contra ella y murmuró:

—Lo vamos a encontrar, te lo juro.

Su mirada se detuvo en el baúl situado en un rincón de la habitación. No sabía por qué, pero le producía un sentimiento extraño y sus manos se pusieron a temblar. Sintió una sombra apoderarse de ella, tenía miedo. Se acercó con vacilación y extendió la mano para abrir el baúl. Dentro, había varias cartas, pedazos de periódicos y objetos raros. Tomó una de las cartas y su respiración se detuvo cuando leyó el título: *Condolencias*. La abrió y vio una foto de su hijo con la fecha 2015 marcada abajo. David tenía apenas tres años y parecía muy feliz. De repente, sintió un inmenso dolor en todo su cuerpo. Las imágenes de aquel día desfilaron a toda velocidad y recordó la terrible escena del hombre disparando a su hijo. Puso la cabeza entre las rodillas y se balanceó lentamente para intentar aliviar su profundo dolor. Después de media hora, se levantó y se dirigió hacia el salón. Sonrió cuando escuchó a su hijo reírse al ver a los personajes graciosos de los dibujos animados.

Mañana será otro día

Nicolas Fernandez

Los rayos del sol entran por la ventana. La vista de las fachadas de enfrente no es la más bonita, pero los pocos árboles que bordean la carretera tienen el mérito de existir. Ella está sentada allí, en la esquina de la habitación, entre su cama y el ventanal. Sus ojos se quedan fijos, su respiración es lenta y su mirada se perdería a lo lejos si los edificios del otro lado de la calle no le impidieran el paso.

En este atardecer, hay pocos coches en la calle. Los niños juegan a la pelota y las madres se ríen entre ellas sentadas en un banco. Un joven repartidor en bicicleta parece un poco perdido. Un hombre se esfuerza por mantener a raya a su perro mientras este tira de la correa con la esperanza de que se rompa. Las palomas se espantan. El verdulero de la esquina refunfuña, refunfuña y vuelve a refunfuñar y su joven empleado recoge apresuradamente los pomelos que acaban de caer del colorido expositor. Todo es silencioso y ruidoso al mismo tiempo. Los cristales de mala calidad no filtran esa canción primaveral que tararea la ciudad. Pero el silencio de la habitación casi vacía parece aspirar el tumulto de la vida callejera. El climatizador está constantemente encendido, el aire es tan frío como la decoración, totalmente impersonal. Una cama, un armario, una silla y, al verla inmóvil, uno podría creer que ella también ha estado siempre allí. Sin embargo, sus gestos no han sido siempre tan inseguros, sus palabras no han sido siempre tan incoherentes. El día de su boda, durante un baile del brazo de su amado Ignacio, su gracia y su desenvoltura no dejaban lugar a dudas. Su maquillaje fue obra suya; el peinado fue de su mamá. Con el tiempo, puede que las imágenes se hayan transformado en su cabeza, pero no los sonidos. La trompeta y el acordeón siguen vibrando en ella. En aquel momento estaba donde debía estar, estaba segura, era eterna. Algunos decían que era hermosa. Hoy dicen que ya no está en su sano juicio.

No obstante, aunque no ocupa físicamente la habitación como antes, sus pensamientos lo hacen por ella. Sólo hay que escuchar.

Ya está, lo sé, lo siento. Mañana es el día. ¿Lo quiero? No lo sé. No tengo miedo. Pero, ¿a dónde me voy? Recuerdo a los que han tomado este camino antes que yo. Mamá, José, mi pequeña Laura, mi tierno Ignacio. Ellos no tuvieron otra opción, yo no tengo otra opción, nadie tiene otra opción. Cuando te das cuenta de que estás en este tren que es la vida, ya es demasiado tarde para bajarte. Todos intentamos tomar desvíos para que el viaje sea lo más agradable posible, pero lo único de lo que podemos estar seguros es de la incertidumbre de nuestro destino. ¿Me estarán esperando mamá, Ignacio y los demás en el andén de la estación? No lo sé. Tal vez entraré en una espesa niebla en la que todos mis recuerdos desaparezcan hasta que yo misma me desvanezca en una ligera humareda.

No me sorprendería. Porque incluso los vivos nos olvidamos un poco de los que ya no están a nuestro lado. Nos olvidamos del cuerpo, nos olvidamos de la piel. A veces soñamos con eso, nos acordamos de ellos cuando nos despertamos, como mucho durante unos minutos. Luego la realidad se los lleva de nuevo.

La noche ha caído. Sus manos, aferradas al reposabrazos, se rozan dolorosamente. Coge su bastón de la pared y utiliza toda la fuerza que le ofrece su viejo cuerpo para levantarse sobre sus dos frágiles piernas. El esfuerzo es grande pero pronto estará en paz, ella lo sabe. Camina lentamente hacia el pequeño baño. Sus pies apenas se levantan del suelo a cada paso. Ya no camina mucho, no habla mucho, tampoco ríe mucho. Pero en su cabeza, sigue bailando. En medio de la habitación, se detiene y, cerrando los ojos, vuelve a la pequeña aldea de su juventud. La Sevillana con Petronila y María Fe en el baile de Villaverde. Qué felicidad. Con dificultad, esboza con sus manos un movimiento que no ha olvidado. La fluidez ya no existe, la intención está intacta. Su reumatismo pronto la devuelve a la realidad. Y eso le irrita, así que se dirige de nuevo al baño. "No sé dónde estaré mañana, pero será mejor que aquí", piensa. Se dice que no tiene miedo, pero en lo más profundo, la joven a la que le encantaba bailar está angustiada por la incertidumbre del futuro.

Llega frente al espejo. En el estante a su derecha, hay un estuche. Lo abre y saca viejos frascos y tubos de maquillaje. Intenta reproducir los gestos de antaño. Los ojos, la boca. El movimiento también es incierto. En la habitación, se oye una voz. "Señora Garrido, le traigo su cena." Es Ana. Es una chica tan amable Ana, no le obliga a ir al refectorio. Le trae una

bandeja y a veces le pone una flor del jardín en un vaso. "¡Ah, pero está aquí! ", dijo asomando la cabeza por la puerta. "¡Pero si hoy se ha puesto guapa! Algo me dice que hay un hombre detrás de esto...", le dijo Ana, divertida. "Mejor que eso", responde la anciana. Ana se ríe antes de salir de la habitación. "Volveré más tarde".

El embellecimiento puede reanudarse. Saca dos bonitos pasadores de una pequeña bolsa de terciopelo. Se los coloca en el pelo, uno a cada lado, como solía hacer mamá. Se mira atentamente, acercando su rostro a unos centímetros del espejo. Observa el resultado. Es mejor que nada. Al menos, cuando mañana la encuentren sin vida en la cama, no será la más fea. Porque ella sabe mejor que nadie que para los vivos la muerte no es bella. Lo ha experimentado demasiadas veces. Pero para el que se va, puede no ser tan fea. Además, si por una vez su hija y su yerno se deciden a visitarla, tendrán una última imagen bastante agradable de ella. Tal vez podrá verlos desde donde esté. Todavía le cuesta imaginar ese momento. ¿Se nos va el alma volando? ¿O cerramos los ojos y nos encontramos en otro lugar? ¿Será capaz ella de ver los que se quedan aquí? ¿Y se encontrará con los que ha amado? Son demasiadas preguntas para un cerebro tan cansado.

Vuelve a su cama. La bandeja está en la mesita de noche, pero no tiene mucha hambre y nada de lo que hay allí le apetece. No le gusta mucho la comida que le sirven. Es insípida. Siempre le ha gustado cocinar para su familia. A veces le gustaría poder hacer un buen plato, para complacerse a sí misma por una vez porque ella ha cocinado tanto para los demás. Pero ya no puede hacer eso tampoco. Esta noche no va a comer nada. Junto a la sopa de lentejas grisácea, en un vaso alto, una flor de iris. Ana está muy atenta. Además, se está haciendo tarde, la joven cuidadora no debería tardar mucho en volver.

Es hora de meterse en la cama. Levanta la pesada colcha y se arrastra peligrosamente hasta la cama. Las sábanas están muy frías. A pesar de sus esfuerzos, no puede cubrirse hasta el cuello. Está bien. Ana vendrá pronto a arroparla como siempre. Ya está. Está dispuesta a poner un punto final a esta vida demasiado larga para ella. Mañana es lo desconocido, el encuentro con el mayor de los misterios y la liberación. Su existencia se termina esta noche y no hay duda de ello.

La luz del sol naciente brilla a través de la ventana. En el pasillo, se oye a unos residentes charlar en voz demasiado alta a esta hora tan temprana. Algunos llevan horas levantados. Ella sigue bajo la manta, parece serena. Tiene las manos cruzadas sobre el pecho e incluso esboza una pequeña sonrisa. El maquillaje de su cara, sorprendentemente, no ha cambiado. La puerta se abre lentamente. "Señora Garrido, soy Elena. Es hora de bajar a tomar su café". La cuidadora se acerca a la cama. "Vamos, señora Garrido, apúrese". La anciana se levanta en silencio y se sienta junto a la ventana.

Ojos Azules

Natalia Hincapie

–¡No encontramos a Allan! ¿Alguien lo ha visto? ¡Ayúdenme a buscarlo! ¡No! ¡Mi hijo no!
¡No puede ser!

Nadie sabe dónde está, lo han buscado por toda la casa, por los alrededores del vecindario y no aparece, no hay rastro de su paradero. Ya han pasado casi cuatro horas, y Allan un pequeño de tan sólo un año de edad desapareció, como si la tierra se lo hubiese tragado.

Era el 22 de marzo de 2010 y Andrea miraba con tristeza el álbum de fotos familiar. Lo hacía cada año, a la misma fecha, a la misma hora. Los recuerdos felices dolían cada vez más, como si lo ocurrido hacía cinco años acabara de suceder hacía apenas unos instantes. Miraba con nostalgia las fotos de sus padres, ¡qué felices se veían! Estaban tan llenos de vida y amor, que sólo podía recordarlos sonriendo. Se sentía tan culpable, no debió conducir ese día, no debió tomar las llaves del carro; se decía a sí misma ¡debí morir yo!, se aferraba a las fotos ya desgastadas y lloraba hasta quedarse dormida... El suceso que desplomó su vida ocurrió el mismo día, en 2005, cuando salió de paseo con sus padres y su hermana Laura. No iban muy lejos, sólo querían salir de Medellín. La ciudad estaba siempre tan alocada que el cumpleaños de mamá era la mejor excusa para ir a un pueblo cercano y respirar aire puro. Todo pasaba de maravilla. La familia se divertía; cada uno tomaba y comía. Pero llegó el momento de volver a casa y todos estaban demasiado borrachos para conducir. Así que Andrea se ofreció a pesar de que era tarde y estaba cansada. Le dolía un poco la cabeza pero pensó que no era grave. Estaba a sólo diez minutos de llegar y su cerebro exhausto se durmió. Un instante, un solo instante fue suficiente para salirse de la carretera y chocar contra una camioneta de carga. Sus padres murieron al instante, su hermana de tan sólo 17 años sufrió golpes tan graves que no pudo volver a caminar, y ella salió ilesa.

Antes del accidente, Andrea era una mujer feliz, muy familiar, sociable e incluso tenía planes de boda con Alex, su amor de infancia. Parecía una vida perfecta pero se convirtió en pesadilla y dolor. A pesar de todo, Alex fue su pañuelo de lágrimas, su consuelo. Él anhelaba

ser padre; los dos tenían treinta años y sentían que ya era hora de dar un paso más. Ella sólo quería que él siguiera siendo su salvavidas, que no se alejara, no hubiera podido soportar una pérdida más. Así que después de dos años de la muerte de sus padres, intentaron tener hijos, pero sin éxito. Después de mucho intentarlo, en 2009 por fin Allan llegó a cambiarles la vida. Nació justo el mismo día de la muerte de su familia. Era muy irónico que el 22 de marzo fuera una fecha tan feliz y tan triste a la vez, como si el destino se burlara de ella.

Eran unos padres felices, completos, la vida les sonreía y, a pesar de las heridas del pasado que aún no cicatrizaban, Allan los motivaba. Era un pequeño risueño y juguetón. Podían pasarse el día mirando sus pequeños ojos azules que inspiraban amor. Era tan inocente y tan ajeno al dolor que les renovaba la energía, lo iluminaba todo, era el tesoro y la cura de unos padres golpeados por la vida.

Se acercaba el primer cumpleaños de Allan y querían celebrarlo por lo alto. Vivían en una pequeña finca a las afueras de Medellín, en un barrio tranquilo donde la gente era amable y el clima perfecto. Prepararon un festín. Invitaron a sus amigos más allegados, a algunos vecinos, a los padres de Alex y por supuesto a Laura. Andrea no veía a su hermana desde hacía muchos años. El dolor de perder a sus padres y su condición la obligaron a buscar ayuda profesional en una clínica psiquiátrica, pero ya estaba bien, había recuperado y tenía ganas de retomar las riendas de su vida.

Llegó el día. Todo transcurría con aparente normalidad: los niños jugaban, los adultos compartían en la mesa, hablaban de todo un poco. Laura y Andrea estaban tan felices de volver a verse. No pronunciaron ni una sola palabra que pudiera herirlas, sólo se abrazaban y disfrutaban del reencuentro. Era la hora de apagar las velas, pero Allan no aparecía. Al principio, lo tomaron con calma, estaría jugando con los demás niños o con sus abuelos. Pero no, nadie lo había visto, los niños negaron haber jugado con él y los abuelos estaban igual de sorprendidos por la desaparición. Todos comenzaron a buscarlo desesperadamente. Los padres estaban destrozados y sólo se escuchaban los gritos de una madre angustiada, hecha un mar de lágrimas buscando a su hijo.

Llamaron a la policía, y tan pronto como llegaron, los policías empezaron a interrogar, a buscar algún indicio, una pequeña pista para encontrar el paradero del pequeño. Todo fue en vano. No había explicación ni huella. Era un rompecabezas sin forma. Sumergidos en la

angustia, veían cómo pasaban las horas, los días y todavía no aparecía. Andrea no paraba de llorar día y noche, nadie encontraba consuelo. Alex aparentemente intentaba guardar la cordura para reconfortar a su familia, pero el miedo y la preocupación eran palpables. Las miradas de todos estaban perdidas, confundidas. Nadie se atrevía a pronunciar una sola palabra. Todos querían ayudar. Hicieron grupos de búsqueda y se repartieron: unos buscaban en el bosque, otros en el vecindario, en los lagos, los acantilados, los pueblos aledaños e incluso pegaron afiches con una foto de Allan por todo el pueblo, la ciudad y los noticieros. Era una noticia que desconcertaba a todos. No pudieron robarse a un pequeño en su propia casa, en la cara de sus padres, y además no dejar ni una prueba. Había pasado una semana, no había sospechosos y Andrea se imaginaba lo peor. Estaba tan destrozada, ya no quería vivir. Sus ojos estaban cansados, rojos e hinchados de llorar. Al verla podía transmitir su dolor, estaba muerta en vida, aferrándose a la esperanza que disminuía conforme iban pasando las horas.

A casi siete días de la desaparición, Andrea se encontraba en la habitación del pequeño, abrazando el álbum de fotos que contenía sus más preciados recuerdos. Necesitaba un abrazo de su madre, una palabra de su padre, pero no tenía nada, sólo imágenes y un alma en pedazos. Mientras ojeaba el álbum encontró una pequeña foto que llamó su atención. No recordaba haberla visto antes. Se trataba de Laura, en su primer cumpleaños. Tenía sus padres a su lado que le daban un beso en cada mejilla. Entonces sintió que necesitaba a Laura. La última vez que la había visto, estaba ayudando en la búsqueda de Allan. Verla les haría bien a ambas. Decidió llamarla, pero no contestó. Insistió varias veces, pero no obtuvo respuesta. Pensó que lo mejor era ir a verla a su casa... En el camino estaba más nerviosa de lo normal. Conducir a la antigua casa de sus padres era escalofriante. No entendía cómo Laura todavía podía vivir allí.

Al llegar, se topó con una nota en la puerta que decía: “Para mi querida Andrea”. Impactada comenzó a leerla:

Qué irónica es la vida y qué injusto es el destino. Nos roban a quien más amamos y nos dejan sumergidos en el dolor. Lo quieres olvidar, pero yo te lo quiero recordar. La noche del 22 de marzo, hace cinco años, tú condujiste de camino a casa. Una hora antes te habías drogado, yo te vi, pero era demasiado joven para entenderlo. Es tu culpa, me quitaste todo

lo que más amaba, me dejaste heridas físicas irreparables, pero esta vez tú no saldrás ilesa... Aquí voy, al cielo con tu pequeño que estará muy feliz de conocer a sus abuelos. Esta vez yo conduzco y no habrá contratiempos. Te dejo con tu vida siempre perfecta y me libero de este padecimiento.

Laura, Allan, Papá y Mamá.

La hoja de papel cayó al suelo, y junto con ella Andrea de rodillas. Comenzó a gritar ahogadamente, perdió el aliento y su corazón estaba a mil. En ese momento su cabeza quedó en blanco. De un tirón abrió la puerta. Un camino hecho de pétalos de rosa se dirigía a la habitación principal y allí estaban. Lo primero que vio fueron esos ojitos azules, sin vida, aún abiertos, siempre inocentes, tan llenos de luz a pesar de lo inerte de su pequeño cuerpo, y, al lado, el cadáver de su hermana, abrazándolo, sonriente y por fin en paz.

Este golpe fue el remate para Andrea. Parecía un alma en pena después de encontrar los cuerpos. No emitía ni una sola palabra y no había lágrimas en sus ojos. Simplemente días después del funeral, desapareció, sin dejar rastro.

Français

Composition du jury

Filippo Fonio, directeur adjoint de l'UFR en charge des relations internationales

Nadi Ferchiche-Jay, professeur de FLE

Sylvie Martin-Mercier, MCF études italiennes

Caisse numéro 4

Heiner Blon

Je me faisais contrôler à chaque fois chez Lidl. Tout du moins, j'étais toujours observé d'une manière très attentive par le personnel de sécurité.

Cette fois, pareil : « Monsieur, montrez votre sac à dos. Ok, c'est bon. »

Ce n'est pas tout que Lidl gagne des milliards en vendant des produits merdiques et contrôle tous les clients, il faut aussi avoir le contrôle total sur les employés. C'est chiant de devoir faire mes courses ici, mais il ne me reste pas de sous. Putain, il recommence à neiger. Cette nuit, ça caille. Demain à 5 heures je devrai gratter le pare-brise. Il faut que je me casse de ce parking avant que les flics arrivent.

Le caissier a eu l'air très stressé quand elle s'est rapprochée lentement de la caisse. Il a jeté des regards confus vers les clients et s'est dépêché d'aller aussi vite que les caissières des caisses 5, 6 et 7. Il ne réussissait jamais. Même la caissière numéro 3 travaillait comme une machine. C'est pour cette raison que j'avais choisi le caissier numéro 4 : il avait toujours l'air d'être perdu, il bougeait d'une manière un peu épileptique, ses coudes se levaient et s'abaissaient dans une sorte de rythme étrange.

Une jeune femme portant une veste imperméable et parlant au téléphone avait étalé beaucoup de chocolat, des noix et des poires sur le tapis. Elle ne s'était pas arrêtée de parler : « Oui, c'est clair. Écoute, là, il commence à neiger ! On va se régaler demain, c'est certain ! Tu prépares déjà tout le matos ? Non, mais écoute, je suis au Lidl. C'est pour ça qu'il y a du bruit. Oui, Monsieur, il faut que quelqu'un fasse les courses pour demain. Franchement, ça ne m'intéresse pas que tu les aies déjà faites la semaine dernière. Ou l'année dernière. En tout cas, j'ai bossé toute la semaine et je veux bien profiter du weekend. Écoute, tu vas appeler Charlie, qu'on se voit demain à 5 heures vers le parking. Oui, celui- là. Ok, bon... à plus. » Elle était toujours si charmante ! J'ai songé furtivement à ma mère qui avait une manière similaire de parler. Elle a payé, quitté le magasin et les portes se sont fermées derrière elle avec un claquement qui a résonné dans ma tête. Je n'aurais jamais osé lui parler.

Je l'avais vue toutes les semaines précédentes, elle venait d'habitude chaque vendredi vers 17 heures, elle était presque toujours au téléphone. Elle parlait d'une voix euphorique et il me semble qu'elle avait toujours un projet en tête pour le weekend. Mon projet par contre se limitait au suivant : je me levais le samedi très tôt pour bouger ma voiture vers un autre endroit. Ma caisse était toute petite et j'avais du mal à me coincer dedans. Une fois que je réussissais à sortir de mon sac de couchage, je démarrais tout de suite le moteur pour éviter les flics qui passaient dans la rue. Après ces événements, je passais la journée bourré sur un autre parking. J'avais développé une préférence pour le gin de la caisse numéro 4. J'aimerais bien qu'il existe un « gin numéro 4 », comme il existe par exemple le fameux « Ouzo 12 ».

Ce weekend-là, il y a eu des irrégularités : je ne me suis pas réveillé à 5 heures comme prévu, mais à 9h30 par de fortes frappes contre la vitre de ma caisse. Je me suis cogné la tête en me levant abruptement. Mon vieux sac de couchage s'est arraché et j'ai senti la pulsation de la bosse qui grandissait sur mon front. Les flics étaient arrivés juste pour « voir, si tout se passe bien. » Bien sûr, ils ont contrôlé ma carte d'identité et ont fait un alcootest. J'avais un peu d'alcool résiduel, mais pas trop. J'ai été libéré.

J'ai démarré ma caisse et je suis parti en rage du parking, la douleur sur le front de plus en plus insupportable. Cette douleur m'écrase, j'imagine entendre encore une fois le claquement de la porte derrière elle et je veux juste aller tout droit, parce que c'est le plus facile. Si on va tout droit, on connaît enfin la direction dans laquelle on va. Et on peut dire encore une chose avec certitude : on va, à un moment donné, arriver à un objet, un obstacle. La douleur dans ma tête a augmenté, toutes ces pensées que j'avais sont revenues à la surface. J'ai fermé les yeux mais j'avais déjà en face de moi ma destinée : un portail en métal qui avait l'air très solide.

J'ai accéléré, pour que la puissance corresponde à la force de la douleur en moi, toutes ces pensées qui m'avaient déchiré chaque jour.

Mon comportement a été tout à fait logique, c'est ce que les psychologues n'ont pas cessé de m'expliquer une semaine après : « La destruction par l'alcool n'a pas été assez rapide, il vous a fallu un accélérateur. Vous avez eu besoin de la certitude d'une mort subite. »

Je me sentais complètement vide tous ces jours après mon carambolage, ce qui n'était pas désagréable. En tout cas, ma coquille vide n'avait plus de désir d'une « mort subite » et cette idée ne m'est jamais revenue, je ne suis même pas sûr que je l'aie vraiment eue. En plus, la bière belge « Mort subite » n'a pas un numéro attaché, je suppose que c'est pour cette raison qu'on n'a pas une multitude d'opportunités de mourir vite-fait. Imaginez : « mort subite numéro 7 ! ». Sarcasme à très haut niveau.

Tous les psychologues dont j'ai fait la connaissance ont eu la déformation professionnelle de fumer pour profiter au maximum de l'absence de leurs clients perturbés. J'ai eu plusieurs opportunités de relire mon dossier sur leurs bureaux, et voilà un résumé bref :

« La coïncidence a joué un rôle regrettable dans la vie de Luc, qui a vécu une enfance heureuse et avait réussi à obtenir un doctorat en chimie avant de subir une chute brutale : sa mère est décédée d'un cancer de l'utérus. Le pitoyable est ensuite devenu alcoolique et a perdu tout son soutien dans la société. Le déclencheur de son essai de suicide était bien-sûr l'incapacité de bien réussir sa vie malgré les circonstances aggravantes ». Le sermon continuait comme ça, étrangement, il y avait à chaque fois que je le vérifiais, le nombre total des mots me concernant indiqué : à la fin c'étaient 1432 mots, cela me paraissait énorme. C'était un document écrit à la main.

Je suis revenu chaque semaine à Lidl, pour avoir une vie dictée par les coutumes personnelles qui s'appelaient maintenant : accompagnement psychologique, réunions pour l'abstinence, dépistages de drogues, ballades dans les parcs et enfin et surtout : revenir chaque vendredi à la caisse numéro 4.

Elle n'est pas venue la semaine d'après. En fait, elle n'est jamais revenue à Lidl parce qu'elle était morte dans une avalanche ce weekend-là, condamnée. Son absence durait déjà depuis des semaines et puis j'ai recherché les nouvelles de la date du samedi 14 janvier et dimanche 15 janvier en ligne. Il y a eu une grande avalanche dans laquelle trois personnes ont été tuées. Deux hommes et une femme.

Aujourd'hui, je suis encore persuadé qu'elle est morte dans cette avalanche. Il serait évidemment possible qu'elle ait déménagé ou changé de supermarché, mais je n'y crois pas. Il y a deux ans, j'ai commencé à travailler dans un magasin bio (les psychologues seraient très contents, ils diraient que je fais de bons progrès). Je remplis les rayons vides et cela me donne plus ou moins le même sentiment qu'au moment où je suis allé tout droit, tout droit : j'ai ma mission, je sais ce que je vais faire et où je vais bouger dans les secondes à venir. Ça suffit pour l'instant.

J'ai loué un petit appartement juste à côté, ironiquement avec le caissier numéro 4. Après ma découverte du magasin bio, j'allais comme d'habitude chez Lidl et il était là-bas, comme toujours. « Bonjour Monsieur, vous ne voudriez pas travailler dans un autre magasin ? Par hasard, je travaille dans un magasin bio qui cherche des caissiers. » J'ai dû répéter deux fois ma phrase avant qu'il ait pris note de moi : « Intéressant, faut voir après le travail, 22 heures ? » Il s'appelle Charles et a toujours l'air de subir une crise épileptique à un moment donné, cela n'a pas changé à cause de son vêtement de travail en vert et orange, les couleurs du magasin bio. En plus, il est beaucoup moins rapide que le caissier numéro 3. Dans le magasin bio il n'y a que 4 caisses.

Italien

Composition du jury

Mara Capraro, lectrice d'italien

Filippo Fonio, directeur adjoint de l'UFR en charge des relations internationales

Sylvie Martin-Mercier, MCF études italiennes

Emanuela Nanni, MCF études italiennes

Diego Pellizzari, ATER d'italien

Quanti passi mi restano?

Christina Tardivel

La pagina rimane bianca.

Una parola viene, poi svanisce. Si va avanti, poi si torna indietro. Come mai è così difficile? Ho sempre quest'impressione di avere la testa sotto l'acqua. Vedo la superficie, ma mi sembra troppo lontana. Mi sento sommersa. Il dubbio torna sempre. Dopo un mese, una settimana, un giorno, torna ogni volta che ti senti meglio. Non so più cosa fare. Rifletto, il passato guida il mio presente. Il mio presente è il mio passato. Il tempo scorre, ma io rimango allo stesso punto della mia esistenza. Faccio un passo in avanti, il futuro mi accoglie con un grande sorriso e poi torna il passato. La tristezza e il dolore. Non c'è più nient'altro. Solo la sofferenza. Ma allora la speranza incomincia a farsi vedere dietro le nuvole, guida un raggio di sole in direzione del cuore, che riscalda ogni cellula del mio corpo. Tuttavia, è così che vedo la vita: "Se tutto va male, domani verrà il sole, se tutto va bene, domani verrà la pioggia." Un giorno si è leggeri, e l'indomani si è disperati. Mi faccio sempre queste domande, rimangono in me, ragionano nella mia testa in un continuo sussurro stridente: "Ho veramente voglia di guarire? In fondo la sofferenza non sarebbe più facile da accettare? Voglio proprio lottare?" E poi viene la rabbia, quella verso la vita. E lì mi avvicino alla superficie. E riesco a tirar fuori la testa dall'acqua. Sono capace e allora ritrovo il coraggio. Respiro, intravedo il futuro e faccio questo passo tanto aspettato, ora sto meglio. Ma so che il passato tornerà. Inspiro, espiro. Inspiro, espiro. Uno, due, tre, quattro, cinque. Uno, due, tre, quattro, cinque. Respiro. Il mio cuore ritrova un po' di pace. Ma non ce la faccio più. Devo partire.

Mi trovo sull'autobus in direzione di Parigi, la valigia nella stiva. Vado via. Ho paura, sudo. Respiro. Devo respirare, il mio battito cardiaco diminuisce. Mia zia mi aspetta alla fermata. Dormo a casa sua per una notte e domani sarò sull'aereo. Ma per ora mi fa tante domande. Come mi sento? Bene. Come mai me ne vado? Perché? Non ho voglia di spiegarle, non mi vengono le parole, vorrei tacere per sempre. Perché? Adesso devo spiegarle. Mi rende nervosa, non mi capisce, anzi non vuole capirmi. Forse ha paura perché non ha mai osato uscire dal suo paese natale. Ha paura per me ma soprattutto per lei. Si sta chiedendo se

sarebbe capace di fare la stessa cosa. Se potrebbe intraprendere un tale viaggio. Se avrebbe la forza di voler cambiare. Parto per un anno. Non so se mi aiuterà, non so se troverò questa volontà di fare meglio, ma ho preso la mia decisione. Questo sogno di un'evasione continua a perseguitarmi. Il desiderio di partire è sempre più potente. Quindi lo faccio. Prima andrò in America del Sud: Bolivia, Perù, Colombia, e poi più verso il Nord, in Alaska. In seguito mi accoglierà la Finlandia e poi la Russia. Continuerò a scendere fino alla Cina, dopo mi recherò in India, e la mia avventura finirà in Africa. Tutti questi grandi viaggi li farò in bus. Vorrei evitare l'aereo. Devo ritrovare una guida in Bolivia. Rimarrà con me per tutto il percorso. Si chiama Michela. Tuttavia non è una vera guida, ma piuttosto un'appassionata di viaggi. Conosce benissimo tanti paesi, secondo un mio amico, soprattutto quelli dove voglio andare. Non voglio una guida tradizionale, cerco tutto quello che mi può sorprendere. In fondo non so se dovrei fidarmi di lei con certezza, ma qui, a casa mia, mi sento morire, e se dovessi morire preferirei farlo vivendo qualcosa di straordinario. Voglio abbandonare le mie vecchie abitudini. Voglio vivere.

Parlo solo francese. Lei è italiana. Proviamo a capirci, improvviso un inglese disastroso. Non funziona. Provo a parlare la lingua dei segni. Ma non la conosco ed è ancora peggio. Ma lei sorride. E quindi decido di fare il mimo. Si mette a ridere forte. È bella la sua risata, melodiosa. Mi fa sorridere. Sono ridicola, ma mi sento viva! Mi porta nelle città, nei paesi, nelle montagne. Incontro la povertà, ma anche la bellezza. La bellezza di ciò che mi circonda ma anche nel cuore della gente. Però, più ci allontaniamo delle città, meglio mi sento. E poi ci ritroviamo in una foresta. Nella foresta Amazzonica. So che laggiù mi aspetta qualcosa. Lo sento nelle mie viscere. Vado avanti. Voglio tornare indietro ma Michela mi prega di continuare. Gli uccelli cantano, creano il loro ritmo. Uno si sente a destra, uno a sinistra, e poi altri si uniscono ai primi per inaugurare la loro sinfonia. Siamo in ritardo. Quindi seguo Michela. Albero dopo albero, fiore dopo fiore, passo dopo passo. Più entriamo nel cuore della foresta, più risento che l'eccitazione si aggiunge alla paura. Un fruscio, uno scricchiolio, sussulto ogni due secondi. I rumori della foresta non mi aiutano più. Sto diventando paranoica. Ma è solo a causa dell'angoscia, del cambiamento interiore che sta per emergere. Faccio una pausa per riprendere fiato. Michela aspetta. Ha capito. Ha fatto questo viaggio molte volte, ma prova ancora oggi una certa apprensione. Non è mai la stessa

cosa. Osservo il paesaggio che mi circonda. Mentre le ombre mi prendono allo stomaco, tutto prende un'altra dimensione. Sono in pace, è bellissimo. Indescrivibile. Gli insetti mi girano intorno ma non mi disturbano più. Il loro ronzio mi calma e riprendiamo la marcia. Attraversiamo un ruscello. Un secondo e poi la vediamo. La casetta. Una donna vi si trova seduta per terra, appena fuori l'entrata. Ha in mano un tamburo. A sinistra vedo delle piante, a destra un fuoco. È quasi buio, ma non ha paura. Sorride. Ci invita a raggiungerla. Ci offre una tazza di tè. Mi rassicura. E mi vedo attraversata da questa linea invisibile che mi allontana ancora da me stessa. Per la prima volta, ci credo. Lo posso fare, questo passo lo posso fare, e senza più tornare indietro.

La cerimonia sta per cominciare. Siamo tutti arrivati ma l'incertezza è tornata. Ho paura di quello che sta per emergere. Ho paura del mio passato, dei miei dubbi. Voglio farlo? Ci ho pensato per mesi, ma l'angoscia rimane. Però non ho più scelta. Sono arrivata fino a lì, non posso più abbandonare. È solo l'inizio del mio viaggio. Gli sciamani incominciano i canti. Dei brividi percorrono il mio corpo. La donna fa suonare il tamburo. Sento il suono dentro di me. Sento la sua potenza, che attraversa tutte le mie cellule. E bevo dalla pianta. Ho fatto il passo, l'ho fatto! Ma non succede niente. Come mai non funziona? Bevo ancora. Niente. L'angoscia torna ancora più potente. Ho voglia di piangere. Ci credevo. Speravo così tanto che mi avrebbe aiutato ad uscire dalla letargia. Perché non funziona mai niente nella mia vita? Mi dicono di respirare, e mi lascio portare dalla musica. Mi sdraio a terra. Chiudo gli occhi. Ho voglia di dormire, di abbandonarmi. Non ho più voglia di provare dolore. Non voglio più vedere le mie debolezze. Vorrei sapere dove vado e come. Allora mi lascio andare. E arrivano le vibrazioni. Sento tutto il mio corpo che si mette a vibrare. Ho l'impressione di confondermi nella natura. Che cosa succede? Non sento più il suolo, non so più dove sia la mia testa, dove siano le mie mani, i piedi, il Nord e il Sud, benché non ho mai saputo dove fossero. Provo solo vibrazioni. È strano, però mi piace questa sensazione, sento solo leggerezza e il peso della vita svanisce. Ho fiducia, vedo allora il mondo nella sua realtà, ma il mio cuore batte forte. Sempre più forte. Devo respirare, devo rilassarmi. Le vibrazioni durano un momento, e poi tutto si calma. Non so perché è salito lo stress. Poi riprendo il controllo del mio corpo. Ma non ho voglia di aprire gli occhi. Voglio continuare questo viaggio interiore. E mi metto a piangere di nuovo, ma non so più perché. Non lo so

più e questo mi rende triste. E di colpo mi trovo trascinata in una specie di cerchio infernale dal quale vorrei tirarmi fuori. Ma non soffro e viene la liberazione. Le lacrime mi tranquillizzano mentre il suono del tamburo si fa sentire più forte, la donna lo porta al mio orecchio. E vedo delle immagini. Una maschera nera e rossa. Poi arrivano altri colori, e delle forme. Non capisco tutto, cerco di razionalizzare ma non funziona. E ricordo le parole che mi diceva sempre mio padre: “Non devi cercare di razionalizzare, bisogna solo provare, le cellule ricordano e ti guariscono.” Quindi lascio correre. E vedo altre immagini. Vedo, provo, vibro. Non so dove vado, neanche come, ma ci vado. So che sono dei messaggi che mi permetteranno di trovare un po’ di fiducia nel corso della mia vita. Si iscrivono in me e mi guideranno sempre anche nei momenti di disperazione.

So che domani tornerà il sole.

Mi sveglio nel mio letto, vedo la mia fidanzata addormentata accanto a me, è mezzanotte. Quanti passi in avanti dovrò ancora fare? Quante pagine resteranno ancora bianche?

Russe

Composition du jury

Isabelle Despres, PR en littérature russe

Youlia Sioli, ATER, docteur en littérature russe

Laure Thibonnier, MCF en langue et littérature russes

Я хочу пить

Hervé Aubert

Я не могу понять, где я нахожусь. Я оглядываюсь вокруг себя, но все, что я вижу, это бесконечно плоское пространство. Какая-то мутная, чуть оранжево-красная земля, над которой поднимается горячий пар. Кроме того, здесь очень жарко.

Ни одного здания. Ни горы, ни даже холма. Ни дерева, ни малейшей растительности. Все равномерно плоское. Как внимательно я не оглядываюсь, ничего нет. Пейзаж - полностью пуст.

Я не знаю куда идти. В какую сторону?

И потом, во-первых, как я сюда попал ? Я ничего не помню. Как будто, я только что проснулся. Но, что было раньше ?

Я смотрю на землю. Никаких следов.

Что мне делать ?

“Когда ты потеряешься, оставайся на месте, и мы найдем тебя.”

Да. Наверное, это то, что нам нужно делать. Просто сиди и жди. И мы будем...

...но где я уже слышал эту фразу ? Откуда это взялось? Я чувствую, что нахожусь на грани чего-то, вроде воспоминаний... Не совсем образы, но впечатления, почти запахи... Слегка влажная прохлада... тень...

Я был маленьким. В лесу. Давно уже это было. Со мной разговаривает мужчина. Он большой. Я его знаю. Я доверяю ему. Это мой отец ? Не помню...

Жарко.

Я хочу пить.

Я не могу здесь оставаться. Мне нужно найти что-нибудь попить. Кроме того, солнце палит.

Солнце... Я мог бы использовать его, чтобы найти направление. Но оно прямо над моей головой.

Мне нужно идти дальше. Но мне трудно оторвать ноги. Это не совсем земля, это что-то вроде грязи, которая обертывается вокруг моих ног и удерживает их. Я должен попытаться двигать ногами, вытащить их из глины.

Этот большой человек, он не был моим отцом. Я помню своего отца. У него была большая кудрявая борода. Он был красив, доброжелателен, но зол. Он был все время окружен женщинами. Я даже думаю, что моя мать была не женой отца, а одним из его многочисленных покорений. В конце концов, я не очень хорошо его знаю. Он часто отсутствовал.

У меня такое впечатление, что стало еще жарче. Солнце обжигает мои волосы. И нет возможности найти тень. Я должен продолжать двигаться вперед. Несмотря на боль в ногах. Несмотря на эту головную боль, которую я чувствую. Несмотря на усталость, которая берет верх.

Образы приходят мне в голову.

Я вижу большую комнату. Стены окрашены в яркие цвета. Комната длинная и заканчивается сценой. Что-то стоит на той платформе, вон там, на заднем плане, но я не могу разобрать. Существо или вещь. Тень.

Я открываю глаза. Мне кажется, что я все еще вижу эту тень вдали, но я уже не в той комнате, о которой вспоминал. Я снова в этом однообразном пейзаже, переполненном светом. Пот течет по моему лицу. Глазам больно. Формы появляются передо мной, но я не знаю, существуют ли они на самом деле или напечатаны на моих глазах. Я должен приложить усилия, чтобы сконцентрироваться, сконцентрировать свое внимание.

Мне кажется, что там, вдалеке, что-то есть. Что если это мои люди? Другие потерянные люди вроде меня? Мне нужно увидеться с ними.

Но так трудно двигаться дальше! Мои ноги погружаются в эту грязную землю до лодыжки, у меня болят мышцы ног. И эта жара! И это солнце!

Я чувствую себя так, как будто я здесь уже несколько часов, и все же солнце все еще над моей головой, швыряя свои раскаленные лучи на мой череп.

Я хочу пить.

Когда я был с отцом, это было так хорошо! Погода была идеальной. Мы были на горе. Высокие луга раскинулись передо мной в нежной и доброжелательной зелени. Небо всегда было чистым, а вид сверху на деревню захватывал дух.

Тогда все было легко. Я помню семейные встречи под открытым небом, смех, еду. Мой отец сидел за одним концом стола, уважаемый всеми. Нас было так много, что я чувствовал себя окруженным, любимым.

Но теперь я один. В отчаянном одиночестве. Мне совсем не по душе одиночество. Не знаю, был ли я когда-нибудь один, но это ужасно. Еще более страшно, когда тебе

больно. Что я хочу, чтобы со мной был кто-то, с кем можно было бы разделить мою боль.

Я вижу тени вон там. Они, кажется, движутся (если только мое зрение не размыто теплом, исходящим от красной земли).

В любом случае, я двигаюсь медленно, и эти тени, кажется, не приближаются. Они двигаются как я? Или они настолько далеки, что мои шаги, едва достигнутые на грязи, являются насмешкой?

Потерянный в мыслях, я просто упал. Серая ткань, которую я ношу, частично порвана. Мое тело запятнано грязью. Я чувствую грязь на лице, в волосах, уже липких от пота. Я с трудом могу снова встать. У меня повсюду боль, я чувствую слабость.

Я был королем. Тень на сцене, в задней части большой комнаты, была мной.

Я был королем и сыном короля.

Я был великим королем. Некоторые называли меня гордым и высокомерным. Моя одежда была роскошной. Даже мои лошади были более роскошно одеты, чем мои подданные. Я устраивал величественные банкеты. Другие короли уважали меня. Я жил в богатом дворце. Когда я уехал в свою страну, вокруг меня была целая свита.

В моем королевстве было много городов. Он был богат. Но иногда был голод. И мне приходилось быть суровым, чтобы налоги всегда шли в мою казну. Я должен был заслужить свою роскошь.

Я пытаюсь встать. Мои руки погружаются в грязь. Я пропитан этой глиной, и чувствую, что постепенно становлюсь ее частью.

Странно, такая грязь, такая мокрая земля под таким палящим солнцем.

Я здесь уже несколько часов, но чувствую, что не сдвинулся ни на дюйм. Мускулы в моих ногах парализованы. Голова так болит, что кажется, вот-вот лопнет.

Мне все еще нужно двигаться вперед. Я не могу остаться здесь, умирая так бесславно. Не такой важный человек, как я.

Что я сделал, чтобы оказаться здесь? Чем я это заслужил: быть в этой адской грязи?

Больше изображений приходит ко мне. В полном хаосе.

Я вижу женщин, толпящихся вокруг меня.

Я вижу амфору, наполненную напитком, которого не знаю, но он кажется мне более ценным, чем все золото в Пактоле.

Я вижу банкеты, которые организовал мой отец, на которых присутствовали все самые могущественные люди в его царстве. Меня регулярно приглашали туда. Я одержим, в частности, одним образом.

Я вижу, как ребенок бросает на меня жалкий взгляд. Он держит руку, как будто она вот-вот отвалится. Он бросает мне умоляющие слова. Но жалость - это чувство, которого я тогда не знал...

Я начал ползти. Поначалу было заметно легче двигаться вперед, как змея, чем как человек. Я двигался быстрее.

Потом я увидел вдалеке дерево, которое не заметил раньше. Я так боялся столкнуться с галлюцинациями, вызванными солнечным ударом, что пытался двигаться как можно быстрее прежде чем изображение исчезло. И чем дальше я шел, тем острее становилось мое видение. Там определенно было дерево.

Вид его ветвей с листьями, полными плодов, еще больше усугубил мои страдания. Жажда была ужасной пыткой долгое время. Мой рот был настолько сухим, что дыхание было болезненным. Потом внезапно на меня нахлынуло что-то другое, на что я до тех пор почти не обращал внимания — голод.

Пока я приближался, я даже видел еще что-то. Своего рода пруд или озеро, берег которого был в тени этого одинокого дерева. Маленький рай.

Может быть, я не был на месте гибели, о которой я думал. Может быть, все-таки есть надежда.

Надежда, которую я не заслуживаю.

Теперь я знаю, кто я.

Последние несколько метров перед тем, как добраться до этого островка зелени - самые болезненные. Даже когда я ползу, я все глубже и глубже погружаюсь в грязь. До такой степени, что я должен снова встать, чтобы моя голова выступила из глины. Но в таком положении я с трудом могу двигаться вперед.

Дерево в пределах досягаемости.

И озеро тоже.

Мое спасение здесь.

Человек сидит тихо под деревом. Он смотрит на меня с иронией. Он должен мне помочь. Но он не двигается. Кажется, он не понимает моих страданий. Или не сочувствует. Жалость, наверное, ему тоже чужда.

Мне нужно поговорить с ним. Но я не знаю, смогу ли я произнести хоть одно слово, все пересохло во рту. Каждый жест причиняет боль, даже моргание. Так что открыть рот...

Я пытаюсь, но он опередил меня.

"Я знаю, кто ты. »

Его голос мягкий, поющий, в полном несогласии с окружающей средой.

"Я тоже знаю, кто я. Я был королем среди самых могущественных и богатых.

Да. Раньше был. »

Я знаю, что он скажет еще до того, как откроет рот. Я не хочу, чтобы он это говорил.

Я смотрю сухим взглядом на дерево с сочными плодами.

«Теперь мучайся, Тантал!».

Где я на своем месте

Valentin Albert

Прибыв на место и увидев огромный особняк моего отца, я ощутил беспокойство. Все это выглядело слишком жутко. Когда я вышел из такси возле темного старинного здания, я почувствовал будто я единственный человек на земле, сильное чувство одиночества. Я только что закрыл сегодняшнюю газету, в ней написано «С наступающим новым 1927 годом!». Я сейчас прочитал статью о себе : о человеке, который сегодня наследует имение своего отца. Мой отец умер 5 лет назад, по крайней мере, так постановил суд. Вот в чем дело: он просто исчез лет 5 назад, уединившись один в своем особняке. И теперь, когда его никто не видел уже много лет, решили, что сегодня государство должно считать его мертвым, потому что он не подавал вестей всё это время.

Таким образом, по иронии судьбы, в свой 25-й день рождения я получил в собственность его удаленный особняк, который сейчас возвышается передо мной. Я не особенный человек: у меня нет большой страсти к чему-либо, нет настоящего хобби или интереса. Моя работа настолько скучна, насколько это возможно, и я живу один, имея такой распорядок, что последние 10 лет моей жизни можно резюмировать за 10 секунд.

Но тут все стало интересно. Когда мой отец исчез, это зажгло во мне пламя. Я потом изучил историю нашей страны и сам проводил исследования, пытаюсь понять, почему и как исчезает большинство людей.

Однако, мои исследования пока не увенчались успехом, но теперь, я легально владею особняком, местом, где его видели в последний раз и где я смогу найти что-нибудь интересное. Около здания было страшно: я приехал с наступлением темноты и уже слышал визг сов, празднующих начало ночи. Повсюду были деревья, особняк был окружен густым лесом, так что любой человек мог бы заблудиться в нём. Я понятия не имел, как пропал мой отец, но теперь я видел самую большую подсказку своими

глазами. Здесь начинало холодать, так как собственность отца находилась на севере Советского Союза, поэтому я сделал несколько шагов к гигантским дубовым дверям и вставил старинный ключ в ржавую замочную скважину. Я остановился на мгновение, я вдохнул воздух, наполнив легкие свежим воздухом ночи, наслаждаясь этим торжественным моментом, прежде чем повернуть ключ, и раскрыть правду об исчезновении моего отца. Мне просто нужно было знать. Мне нужен был этот ответ.

Я осторожно повернул ключ в замочной скважине и широко распахнул двери. В ту самую секунду, когда я открыл двери, мои ноздри охватил прогорклый запах, я инстинктивно отвернулся от двери и меня резко вырвало, после того, как я наполовину склонился над землей.

Тухлая рыба.

Пахло тухлой рыбой. На мгновение я позволил дверям широко распахнуться, ожидая, пока рассеется большая часть неприятного запаха. Затем я осторожно вошел в особняк, прикрыв рот и нос шарфом, и впервые увидел величественный зал. В основном здание было сделано из гладко огранных камней, и кое-где были выставлены средневековые вещи. Я почти ничего не видел в темноте, поэтому взял со стены факел и зажег его. Это действительно было средневековое историческое место, я заметил какой-то щит в углу, который ярко сиял в отражении огня, я увидел несколько частей доспех и мечей, лежащих среди стопок бумаг на обеденном столе. Мои глаза округлялись все больше и больше от удивления. Теперь, когда я думаю об этом, я понимаю, что я действительно мало знаю о моем отце и о том, как он стал владельцем такого места. Затем, я заметил кое-что в одном конце комнаты: там были какие-то сушилки для мяса или рыбы, с остатками омаров и разной рыбы. Эти морепродукты здесь гнили долгие годы!

Хорошо, я понял, вот откуда исходит запах, и это имеет смысл ... Недалеко от имения есть залив, выход к океану. И если подумать, разве мой отец не умел ловить рыбу? Я думаю, у него тоже была небольшая лодка.

За все это время я не сдвинулся с порога. Я просто с недоумением смотрел на то, насколько грязно там было.

Я решил, что уже ве осмотрел в холле, поэтому сделал шаг в сторону другой комнаты, но чуть не споткнулся и не упал: пол был покрыт какой-то липкой слизью. Я осторожно направился к ближайшей комнате, и изо всех сил пытался сдержать рвоту, когда открыл дверь. Вероятно, это был его кабинет, где он читал и работал, но это было ужасное зрелище. На столе была куча бумаг и туши креветок. На полу и на стенах была кровь. И ... это ... акулий плавник, лежащий в углу комнаты ??!

Все еще крепко прижимая шарф ко рту и носу, я осмотрел комнату. Старый деревянный стул тоже был покрыт какой-то слизью, поэтому я не решился на него сесть. Ладно, здесь полный бардак, зачем я вообще сюда приехал? Как будто я заботился о своем отце ?! Он был каким-то странным парнем, люди думали, что он был вовлечен в какой-то страшный культ, поэтому я действительно не рос рядом с ним. А тут я решил уйти навсегда из особняка, но заметил небольшую книгу на полу, я сразу взял ее, очень хотел увидеть, что это было, и вытер руку о брюки : на книге тоже было немного слизи. У нее не было названия, но она был похожа на какой-то дневник. Я вышел из этого страшного особняка на улицу, используя факел, зажёт костер возле каменных ступеней, ведущих к имению, и устроился как можно комфортнее в этой напряженной атмосфере ночи. Я медленно открыл книгу, изо всех сил стараясь не повредить ее, так как она была старая и пыльная.

Я был прав, это был какой-то дневник.

18 марта 1922 г. - первая запись в дневнике.

« Меня зовут Кирилл Львович Чернов. Я - владелец особняка Лескино. Я пишу в дневнике свои открытия древних артефактов. Я получил от одного из моих преданных учеников уникальный барельеф. Это своего рода скульптура, чрезвычайно детализированная и запутанная. Одна из первых вещей, которые я обнаружил, что отличает ее от всех других реликвий, которые я изучаю : это то, что всякий раз, когда эта вещь находится рядом с вами ... вы можете почувствовать некое присутствие ... будто звук бьющегося сердца, исходящий от маленькой скульптуры. Это что-то вроде плоского камня, я думаю, он представляет собой своего рода осьминога. Объект - не от мира сего, я никогда не чувствовал ничего похожего при прикосновении к этому предмету. Скользить пальцами по скульптурным щупальцам было ... слишком странно. Вот почему я решил вести дневник своих открытий, касающихся этого объекта, так как уверен, что он создан не человеком. »

Я прервал чтение в конце этой записи, чтобы положить еще дров в костер. Этот дневник был очень интересным, и я не уверен, что был готов читать следующие главы.

24 марта 1922 г. - вторая запись в дневнике.

« Я не смог найти никакой новой информации о том, где был найден этот барельеф, но теперь я уверен в его сюрреалистических свойствах. С тех пор, как я прикоснулся к нему, у меня начались странные потери сознания. Однажды я проснулся и понял, что был без сознания целый день. Я чувствую, будто голова вот-вот взорвется, а

конечности как никогда дрожат. Я больше не думаю, что я - единственное существо, который контролирует моё тело. Я обнаружил пятна прозрачной слизи на пути к заливу. Я думаю, что кто-то украл мою лодку. Проснувшись сегодня утром, я шагнул в лужу этой слизи, прямо рядом с моей кроватью. Так больше продолжаться не может. »

05 апреля 1922 г. - ?? запись в дневнике.

« С каждым днем становится все хуже. Я все время теряю сознание. Хотя у этой ... болезни есть свои преимущества. Я обнаружил, что теперь у меня ненасытный аппетит к морепродуктам, и я стал более продуктивным в повседневной жизни: хотя я всегда в полубессознательном состоянии, я думаю, что довольно много раз удивлялся, когда мыл посуду, читал книгу, и в то же время писал эти строки! Поскольку теперь я могу жить один благодаря рыбалке возле моего удаленного особняка, я больше не надеваю одежду. Я же один живу.»

~~~~~ **дневник.**

«Дневник постоянно падает на землю, я больше не могу держать его руками, я больше не могу разумно мыслить. Это последние строки, которые вы, вероятно, прочитаете. Я намерен вернуть злобный барельеф на место. Я больше не могу жить на земле, это больно. Я пойду туда, где я на своем месте: в глубины океана. Я заканчиваю писать это с трудом, крепко держа ручку в одном из своих щупалец, готовясь медленно скользить на своих восьми щупальцах в океан, неся с собой проклятую скульптуру и навсегда присоединяясь к своим собратьям-осьминогам.»

Я был в шоке, дневник упал из моих рук в костер, от которого возникла вспышка пламени.

Огонь горел ярко, было слишком жарко, он обезвоживал меня. Слишком сухо, мне нужна была вода, мне очень захотелось побежать к заливу и прыгнуть в воду, я сорвал с себя одежду, внезапно стало слишком тесно.

Я поплыл глубже в океан в поисках рыбы.

...Океан снова стал спокойным, волны медленно колыхались.

Дневник, вообще-то, не сгорел, он все еще лежал в огне, нетронутый, и барельеф больше никогда не видели.

Счастье - это лекарство, в котором мы все нуждаемся.

Alix Legeay

Пациент N(o) 347: Лори Мадореев

«Тема номер 347 очень нестабильна. Лечение следует немедленно прекратить. Его уровень жизни очень низок. Если мы продолжим лечение, мы его потеряем.»

«Нет, нет. Давайте дадим ей еще несколько секунд, может быть, она сделает это. Его блокировка вот-вот сломается. Если мы остановимся сейчас, нам придется начать все сначала. »

Два врача смотрят друг на друга : один обеспокоен, другой уверен. Лицо доктора Майдена напряжено, взгляд хмурый. Доктор Хомский держит меня за руку, взгляд погружён в меня. Я всегда задаюсь вопросом «эта близость - доброжелательность, или он смотрит на меня, как и на других. Как на эксперимент с одной из морских свинок, который пошел не так». Мое зрение начинает размываться, я ничего не чувствую. Я не чувствую холодного сиденья под руками и ягодицами. Я больше не чувствую шприц, который пронзает мою левую вену, вводя мне высокую дозу буфотина и ДМТ. Я больше не могу воспринимать звуки вокруг меня. Обычно номер слишком шумный для меня. Непрерывающийся шум машин, голоса врачей, звук моего собственного голоса в голове. Я думаю, что это худшая часть: звук моего голоса. Это слишком остро, слишком директивно. Он всегда говорит мне сосредоточиться, чтобы напомнить мне о моем прошлом, обо всех деталях произошедшего. Но я не хочу этого вспоминать. Это, вероятно, блокировка, как говорят врачи. Блокировка, которая мешает мне двигаться вперед. Как только они объяснили мне, чтобы лечение было эффективным, вы должны согласиться с ним. Я хочу этого, я хочу выйти из него. Но как мы можем выйти из порочного круга, круга, который был навязан нам против нашей воли? Мое дыхание затрудняется, грудь поднимается нерегулярно. Я задыхаюсь, воздух больше не поступает через нос или горло, но пронзительный крик вырывается из меня.

Пациент No 424: Орелиа Дрвемо

Я снова услышала крик Лори. Она самая чувствительная из нас троих. Чувствительная, но не самая слабая. В конце концов, она последняя, кто согласился участвовать, и это моя вина, что она здесь... Конечно, я бы никогда не сказала ей. Я не хочу, чтобы она злилась на меня, не за это во всяком случае. Я сделала это для нее. Для неё и всех остальных. Должно быть, мне было двадцать пять лет, когда я наткнулась на небольшое объявление в газете. Врачи искали морских свинок, чтобы проверить на них новый препарат от депрессии. Так что я подписалась на эти тесты, настоятельно поощряя моих друзей сделать то же самое. Я думаю, что было много кандидатов. Во-первых, «морская свинка» была работой, нам платили за то, чтобы нас использовали. После всех исследований это была не единственная область, когда тестирования/, испытания проходили на людях. Потом был доступ к бесплатным лекарствам. Я сожалею о лекарствах. Лично я считаю, что грань между наркотиками и наркотиками очень размыта, она зависит от людей, эпох, общества. Я не считаю себя наркоманом, буфотерин и ДМТ – являются законными наркотиками. Что немного странно. Это яд, извлеченный из слюни жабы Буфо Альварис, который имеет психоделические, галлюциногенные, но и терапевтические свойства. Власти согласились с тем, что врачи должны работать над этим видом продукции, чтобы помочь населению. Действительно, на протяжении десятилетий люди крайне недовольны. Уровень самоубийств в стране достиг рекордно высокого уровня. Я думаю, что мы все находимся в одинаковой ситуации, мы не знаем, что делать. Лучшее средство от несчастья -просто заставить его уйти, и заменить негативные вещи положительными. Когда нас накачивают ДМТ, доктор вливает новые воспоминания в нашу память, им даже удается изменить нашу личность, создать новую. Я в этой больнице уже более семи месяцев. Мои друзья всегда со мной, но я чувствую, что я единственная, кто изменился к лучшему. Я чувствую себя счастливой, в мире с самим собой. Проблемы со здоровьем Лори продолжают расти, и Орелиа все больше и больше погружается в депрессию в течении дня. У меня такое чувство, что я буду единственной, кто останется живым.

Пациент No 318: Ами Дрорелаво

Когда Лори вернулась в комнату, дрожащая, она была едва в сознании. Её глаза были стеклянными и почти вне орбит. Честно говоря, если бы я не услышала её дыхания, я бы подумала, что врачи принесли её труп. Иногда они могут быть очень жестокими, почти садистами, они сказали, что делают это чтобы нас проверить. Но я не думаю, что показ трупа человека является полезной и продуктивной терапией. В конце концов, некоторые методы их терапии были очень странными. В больнице больше сотни пациентов, но нас было трое. Ну, не совсем так, каждый раз один из нас отсутствует. Пока я в комнате с Лори, Орелиа проходит дополнительные тесты. Когда я с Орелиа, Лори должна пойти в лазарет. Каждый день - один и тот же дискурс, один и тот же порочный круг, бесконечный и без выхода как тупик.

-Пациенты 347, 318 и 424 приглашаются в комнату 725 на первом этаже.

Это заявление показалось мне странным, нас никогда не вызывали всех троих в одно и то же время. На этот раз пришло время. Пора убегать. У нас никогда не было возможности быть всем троим вместе. У меня созрела идея, я не знаю, согласятся ли девушки с ней, мы много разговаривали, и темой, которая часто обсуждалась, был наш отъезд. Никто из нас не был готов. Лечение имело негативные последствия только для Лори. Она очень плохо реагировала на уход, у нее, казалось, были все побочные эффекты: постоянное беспокойство, приступы столбняка и очень часто изменения в зрительном восприятии. Она больше не воспринимает реальность. Что касается Ами, у нее были положительные эффекты, большинство ее негативных воспоминаний стирается, ее настроение больше не меняется, и она улыбается все время. Действительно все время. Это немного обескураживает и тревожит. Насколько я могу судить, моё состояние не изменилось.... . Нет никакого улучшения или ухудшения ... Мы все трое такие разные. Я здесь ничего не сужу, по крайней мере, я так думала. Так что я лежу на кровати, глядя доктору прямо в глаза. На этот раз не было жалости в его взгляде, на этот раз, казалось, было облегчение.

«Вы помните свое имя, мисс?» Я просто хочу кое-что проверить.

Его вопрос показался мне странным. Конечно, я помнила свое имя.

«Мое имя ? Ами Дрорелаво.»

На его лице отображается краткая улыбка и вздох облегчения.

«Я рад увидеть вас снова, прежде чем уйти.»

Все стало спокойным, впервые Ами почувствовала свет, освободилась. Врач решил, что пришло время, чтобы её отпустить. Некоторые пациенты не очень хорошо реагировали на лечение. Большую часть времени им удавалось отмежеваться от раздвоения личностей и чтобы сохранить только лучшее. Однако это не всегда срабатывало. Так было с Ами Дрорелаво. Два ее альтер-эго, Орелия Дрвемо и Лори Мадореев, постоянно брали верх над ней. Крадя её воспоминания, не позволяя ей выразить себя. Они не помогли ей улучшиться. Они были слишком негативными, пессимистичными. Часто они создавали ложные воспоминания. Ни один психолог не мог понять, что случилось. Они никогда не могли понять, в чем проблема, неудача. Самое сложное для них было разгадать настоящие подделки. Они стали непригодными для жизни. Никто не мог жить с таким нездоровьем. И когда это происходит, лучше отпустить их. Убить кого-то никогда не бывает легко. Это требует мужества. Но иногда это единственное, что нужно сделать. Мы всегда стараемся пройти любыми средствами. Врачи здесь, чтобы помочь нам. Они также знают, когда отпустить.

«Загадай желание»

Anna Yashivili

В тот день было прекрасное летнее римское утро. На часах было 5:30 , солнце уже взошло и начало освещать маленькую комнатку Сесильи. Сесилья Сильвестри, так зовут нашу главную героиню, обычная девушка из небогатой семьи, отец которой работает поваром в маленьком ресторанчике, а мать преподает в университете Рима теорию искусств.

Сесилья очень скромна и тиха девушка, у нее практически нет друзей, так как она все свое свободное от учебы время, проводит за рисованием: она любит делать эскизы разных видов бабочек. Она любит находиться в одиночестве, наслаждаясь тишиной и спокойствием, оставаясь наедине со своими мыслями.

Каждое утро, даже сейчас, во время летних каникул, Сесилья просыпается рано, чтобы провести утро вместе со своими родителями и проводить их на работу. После того, как родители перешагивают порог квартиры, Сесилья посвящает время себе: она садится на балкон с книгой и чашечкой фирменного кофе из гейзерной кофеварки.

Каждый летний день Сесильи похож на предыдущий, но только не сегодняшний. После чашечки эспрессо и очередной дозы классической литературы, наша главная героиня собралась, чтобы немного побродить по городу. Она надела легкое летнее платьице, пастельно желтого цвета, чуть выше колена, белые босоножки, нашла в своем шкафу маленькую белую сумочку и повесила на плечо. Перед выходом из квартиры Сесилья пыталась сделать хвостик, но с ее короткими, светло-пшеничными волосами это оказалось немного труднее, чем она думала, поэтому схватила передние пряди волос маленькой заколочкой в виде бабочки на затылке.

Сесилья со своими родителями живет рядом с Вокзалом Термини, поэтому, каждый раз наша героиня ходит своим излюбленным маршрутом через улицу Кавур, сквозь площадь

Эсквилино, сворачивает на улицу Агостино Депретис после которой идет на улицу Квиринале, чтобы попасть в Квиринальские сады. Но это был не конец ее маршрута, так как у нее было любимое место, в которое она часто приходила и могла сидеть там, пока не стемнеет.

Дело было к полудню и Сесилья поняла, что проголодалась и по дороге в свое любимое место зашла за сэндвичем с прошутто крудо, моцареллой и помидорами.

Она шла по улице Стамперия одновременно доедая свой обед. И наконец, она начинает отдаленно слышать шум воды и в этот момент, она понимает, что уже совсем близко. Еще через пару мгновений, она видит, что по левую руку виднеется то самое место, которое так много значит для нее, она подходит еще ближе, пробираясь через толпу туристов и встает так, чтобы видеть все целиком. «Вот я и дошла» - сказала Сесилья, смотря на самое прекрасное и величественное место в Риме, на фонтан Треви. Она села на ступеньки, находящиеся напротив фонтана, и вздохнула полной грудью. Она чувствовала себя рядом с этим фонтаном всегда спокойно и умиротворенно, несмотря на толпы туристов. Ведь, когда Сесилья рисует, она не замечает никого вокруг. Но сегодня ее спокойствие было нарушено.

«Привет» - сказал кто-то позади.

«Привет» - машинально ответила Сесилья и на секунду застыла, так как пыталась понять, кто только что с ней поздоровался. Она набралась смелости и повернулась назад, но сзади никого не было.

«Давно тут сидишь?» - вдруг кто-то сказал слева.

«Ай» - вскрикнула Сесилья от неожиданности – «Нельзя же так пугать»

«Да я и не собирался тебя пугать, но все равно прости. Меня, кстати, Винченцо зовут, но друзья зовут меня просто Энцо» - сказал он, протягивая руку, чтобы поздороваться - «Очень приятно» - смущенно сказала девушка.

Пауза.

«Знаешь, диалог между двумя людьми это когда оба что-то говорят и спрашивают» - сказал Винченцо с легкой улыбкой. - «Ну ладно, давай попробуем сначала. Привет!» - сказал он, смотря на Сесилью, но она молчит и с недоумением смотрит на незнакомца перед ней.

«Тут ты должна сказать мне что-то в ответ» - тихо говорит Винченцо Сесилье

«Ой, да, прости.Привет!» - сказала Сесилья

«Меня зовут Винченцо, а тебя?»

«Сесилья» - сказала она, протягивая руку

«Вот, видишь и ничего сложного в общении с другим человеком нет, главное что-то говорить в ответ» - сказал молодой человек и засмеялся.

Сесилья невольно начала смеяться и подумала про себя: - «какой же у него заразительный смех». И в это мгновение она поняла на сколько ей легко с ним, что она не боится разговаривать, она перестала стесняться. В один миг она будто стала немного увереннее в себе, чем раньше.

«Любишь рисовать в одиночестве» - резко спросил Винченцо у Сесильи, прервав поток ее бесконечных мыслей

«Что...Как..почему... ты про это спросил?» - с недоумением посмотрела Сесилья на своего нового друга – «С чего ты вообще взял, что я рисую?» - неуверенно сказала она и отвернула голову от Энцо, чтобы скрыть свое смущение.

Он посмотрел на нее, вздохнул и начал говорить – «Помнишь, пять секунд назад, когда я первый раз сказал тебе привет, а ты дернулась так, как будто приведение увидела? Помнишь?» - сказал Энцо и застыл от ее красоты, он в прямом смысле утонул в ее светло серых глазах. Он исследовал ее лицо, так, чтобы ничего не

упустить. У Сесильи, действительно, очень красивые черты лица: прозрачные глаза, маленький, аккуратный носик, невероятно длинные ресницы, красивые губы с ярко выраженной галочкой над губой.

«Ну да» - сказала Сесилья Винченцо, но тот молчит и смотрит ей прямо в глаза

«ты же сам говорил, что диалог – это, когда оба человека отвечают» - с ухмылкой сказала она

«Что прости?» - произнес Винченцо, будто бы только проснулся

«Подожди, мне показалось или ты использовала мою же фразу!» - сказал Энцо с уверенностью, расправляя грудь

«Не льсти себе, я просто стараюсь вести беседу, а ты уставился на меня, и вообще, не прилично так смотреть, тебя что, в детстве манерам не научили. И да, отвечу на твой вопрос, я люблю рисовать в одиночестве...» - не успела Сесилья договорить, как Винченцо продолжил фразу: - «бабочек». Сесилья смотрит на него и думает -: «как парень, с которым я познакомилась меньше пяти минут назад знает обо мне все самое потаённое: мое любимое место, мое хобби, мое любимое насекомое, может он еще и знает, какой сэндвич я беру!» - «Я не договорил, в момент, когда ты испугалась меня, ты обронила эскиз своего рисунка, а там была начерчена бабочка, так же на твоём браслете есть маленькая подвеска в виде бабочки и заколка на твоих волосах тоже с бабочкой, что наталкивает на мысль, что бабочка

– твоё любимое насекомое.»

«Да, ты прав» - сказала Сесилья, закидывая выбившуюся прядь волос от ветра назад. – «ты очень внимательный, я таких как ты, еще никогда не встречала». Сесилья сама не ожидала, что скажет такую фразу, она не понимает, как один незнакомец, которого она встретила меньше пяти минут назад, помог ей высвободиться из оков неуверенности. С ним она чувствует себя свободной, она больше не стесняется и не боится говорить.

Она смотрит на него, в его светло-карие глаза, у него каштановые немного вьющиеся волосы, густые брови, сильно выраженные скулы, острый нос – «Боже мой, я что

смотрю на него» - подумала Сесилья и встретилась взглядом с Энцо, который тоже не отрывал от нее взгляда.

Они просидели так некоторое время и Сесилья поняла, почему ее тянуло сюда, точнее кто тянул, она будто заранее знала, что встретит его. Сесилья поняла, что не может перестать смотреть на незнакомца напротив нее.

«Может прогуляемся немного?» - спрашивает Энцо у Сесильи

«Да, с удовольствием» - сказала она

«Пойдем в сторону ...» - не успевает договорить Винченцо, как Сесилья, читая его мысли, произносит: - «мы пойдем на Испанскую лестницу, хочу посидеть на ней, там как раз, в это время не много людей»

«Я не понимаю как» - говорит Винченцо – «Но ты будто чувствуешь меня, читаешь мои мысли. У меня ощущение, что я знаю тебя всю жизнь».

Слово за слово, улица за улицей, улыбка за улыбкой, и они оба не заметили, как стемнело, так как были увлечены беседой и исследованием друг друга. Они сидели на испанской лестнице, смотрели на площадь Испании, на проходящих мимо людей и они оба поняли, что никто не нужен им в этом мире, главное быть вместе.

Вдруг Сесилья посмотрела на святающийся экран своего телефона, там был пропущенный от ее папы, и она увидела время, на часах было 23:59.

«Господи, уже полночь» - резко вскрикнула Сесилья, что Винченцо невольно вздрогнул

«Умеешь же ты прекрасный момент своим визгом спугнуть» - насмешливо сказал Винченцо – «Вот что ты так кричишь, ты лучше сядь и когда будет 00:00 загадай свое самое заветное желание!»

«Что?» - с недоумением спросила Сесилья – «Ты правда веришь в эту чепуху?» - продолжила она.

«Вообще-то верю!» - уверенно сказал Энцо

«и ты хочешь сказать, что у тебя сбывались желания, которые вот так вот загадывал!»
- уверенно сказала она

«Да, сбывались» - сказал Энцо и резко встал на ноги – «Вчера, ровно в полночь я загадал встретить человека, который будет понимать меня с полуслова, который будет чувствовать меня. Утром я проснулся от того, что в мою комнату стали залетать бабочки. Вначале я никак не обращал на это внимания, но их количество увеличивалось, и я решил узнать, откуда же они летят.»

«И что? Откуда они летели?» - с удивлением спросила Сесилья, она хотела знать продолжение.

«Сесиль, они привели к тебе!» - сказал Энцо, смотря ей прямо в глаза

«Что?» - спросила она

«Да, и вначале я не понимал, а потом увидел твою заколку и осознал, что мое желание исполнилось...Ну а дальше ты и сама знаешь» - сказал Винченцо смущаясь, засовывая руки в карманы брюк.

Сесилья сидит на испанской лестнице в недоумении, уже забыв, что нужно загадывать желание и что нужно вернуться домой. Она сидит и пытается осознать происходящее, вдруг ее потоки бесконечно-циркулирующих мыслей прерывает Энцо: - «Сесиль, я хочу, чтобы мы всегда были вместе, мы не просто так встретились! Сесилья, это судьба!» - сказал он и нежно взял ее руки в свои.

«Я не знаю...Энцо, мы знакомы не так долго...» - не успела Сесилья закончить свое предложение, как Винченцо говорит ей: - «В другой раз, ты не совершишь той же ошибки, пообещай мне!»

«Что? В какой другой раз? Ты о чем, Энцо?» - начинает кричать Сесилья и понимает, что Винченцо больше нет, он будто испарился.

Сесилья начинает бегать по площади Испании, ища Винченцо, она бежит, плачет, кричит, а потом...пелена перед ее глазами и она слышит голос своей мамы: - «Сесилья, дочка, проснись».

Сесилья открывает глаза и ничего не понимает. Она сидит на балконе своей квартиры, рядом с ней встревоженные родители. Девушка оглядывается, видит чашку недопитого утреннего кофе, лежащую книгу на ее коленях, и осознает, что все то, что с ней происходило, это был всего лишь сон. Сесилья поднимает голову, и родители спрашивают ее: - «Сесилья, что произошло, ты уснула? Ты так кричала во сне, что мы с мамой очень испугались! Ты что, не помнишь, как кричала?» - спросил папа.

Сесилья ничего не ответила, лишь посмотрела на родителей и начала плакать. Она не смогла рассказать свой сон.

Вечер был обычный в семье Сильвестри, мама Сесильи приготовила пасту, и они все вместе сели ужинать. Они говорили обо всем, к этому времени Сесилья немного пришла в себя и у нее проснулся аппетит, но, как только она поднесла вилку с накрученной пастой, как в друг, кто-то позвонил в дверь.

- «Кого это принесло в такой час?» - сказал папа Сесильи с полным ртом пасты

- «Я не знаю, пойду посмотрю» - сказала Сесилья. Девушка встала из-за стола и подошла к двери. Она открыла ее и перед ней доставщик, но лица его не видно из-за тени, которую создает кепка.

- «Добрый вечер!» - сказал доставщик и поднял голову.

- «Энцо!» - вскрикнула Сесилья от недоумения

- «Ты мне пообещала, что не совершишь больше такой ошибки» - сказал Энцо и дал ей в руки коробку

- «Что там?» - спросила Сесилья

- «Открой» - сказал он

Сесилья открывает коробку и оттуда вылетают сотни разноцветных бабочек, которые начинают кружить по всей квартире.

COMITÉ D'ORGANISATION

Organisation : Eléonore Cartellier

Coordination par langue :

Allemand : Natacha Rimasson-Fertin (Grenoble), Agnes Selles (Valence)

Anglais : Eléonore Cartellier (Grenoble) ; Vivien Todeschini (Valence)

Espagnol : Laurence Garino-Abel (Grenoble) ; Janice Argailot (Valence)

Italien : Filippo Fonio

Russe : Laure Thibonnier

Français (pour les ERASMUS uniquement) : Nadi Ferchiche-Jay

Bibliothèque d'UFR : Julie Darnand

Communication : Géraldine Grégoire

Direction de l'UFR de Langues étrangères : Véronique Jude, directrice

ÉTUDIANTS PRIMÉS

Allemand

Prix de l'innovation narrative :
Zelda und Herr Sanitas, Franka Wurps

Anglais

Prix Coup de coeur du jury : *Limbo*, Sara Eymard

1. *Two Lungfuls of Stale Air*, Dorian Sifaoui
2. *And If I Never Know ...*, Mia Borel
3. *Oh simple thing, where have you gone?*, Mahé Caussanel

Espagnol

1. *Imperfecto*, Tiny De Martino
2. *Amor de madre*, Justine Jacquin
3. *Mañana será otro día*, Nicolas Fernandez
4. *Ojos Azules*, Natalia Hincapie

Français (ERASMUS)

1. *Caisse Numéro 4*, Heiner Blon

Italien

1. *Quanti passi mi restano?*, Christina Tardivel

Russe

1. *Я хочу пить*, Hervé Aubert
2. *Где я на своем месте*, Valentin Albert
3. *Счастье - это лекарство, в котором мы все нуждаемся*, Alix Legeay
4. «Загадай желание», *Загадай желание*, Anna Yashivili